

Бенджамин
Торн

НОРДИ ЧЕСКАЯ МИФО ЛОГИЯ

Бенджамин Торп

Нордическая мифология

«ВЕЧЕ»

1850

Торп Б.

Нордическая мифология / Б. Торп — «ВЕЧЕ», 1850

ISBN 978-5-4484-8658-6

Поистине волшебны и исполнены вечной тайны предания Севера – о феях и великанах, гномах и гоблинах, о сокрытых кладах: то ли самоцветах и золотых слитках, то ли о сокровищах мудрости... Уникальный, энциклопедически глубокий труд принадлежит перу знаменитого английского мифолога середины XIX века Бенджамина Торпа, сподвижника братьев Гримм и немецких романтиков. Он не устарел и поныне и станет прекрасным пособием для преподавателей и студентов, да и просто драгоценным подарком каждому ценителю колдовского обаяния древней Европы.

ISBN 978-5-4484-8658-6

© Торп Б., 1850

© ВЕЧЕ, 1850

Содержание

Нордическая религиозность и научные мифы	6
«Будет Вирт»	6
Прарелигия – тайна романтизма	7
Биография Торпа	8
Эдда и Беовульф	9
Тысячелетнее сновидение	10
Два топора Туисто	11
Древнегерманская Троица	13
Прарелигия «Вихинай»	14
Закон трёх стадий	16
Переход от вотанизма	17
Ритуальные маски Вотана	19
Рёмлинги и тевтоны	21
Планетарное учение о Богах	23
Происхождение Огня и «высшая мифология»	24
Возвращение к Вихинай	26
Планы развития	27
Введение	28
Аббревиатуры и литература	32
Дополнительное чтение	33
Предисловие	34
Том I. Северная мифология с пояснениями	37
Введение	37
Раздел первый	38
Земля и Небо	41
Война	42
Боги	43
Богини	52
О Слейпнире, коне Одина	54
О корабле Скидбладнир ⁵⁸ (Скитблатнир)	54
Происхождение скальдического или поэтического искусства	56
О похищении и возвращении Идун	57
О Ньёрде (NiÖrthr) и Скади (Skathi)	58
О Фрейре и Герд (Gerthr)	58
Об отпрысках Локи	60
Тор в доме Гейррёда (Geirröthr) ⁷¹	61
О Торе и Утгарда-Локи ⁷⁴	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Бенджамин Торп

Нордическая мифология

Thorpe, Benjamin. Northern Mythology.

© Кондратьев А.В., вступительная статья, 2021

© Лазарев Е.С., Соколов Ю.Р., перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

Нордическая религиозность и научные мифы

«Будет Вирт»

Издав год назад первый том серии «Ariana Mystica»¹, мы получили по адресу, указанному в конце книги, большое количество писем, из которых следовало, что русские люди (подавляющее большинство корреспондентов были именно русские) имеют к таким темам, как атлантология, лабиринтология, рунология, индоевропеистика и тевтонический мистицизм не то чтобы «сильнейший интерес», – это было бы явным преувеличением, – но какую-то подсознательную и пока ещё даже нечётко формулируемую тягу. Общая тональность писем была такова, что помимо желания увидеть на русском языке как можно большее число исследований по ариософии, за ней угадывалось и другое, намного более отрадное желание, а именно, желание вернуться к своим собственным, многотысячелетним и глубинным корням, используя немецкую и австрийскую ариософию лишь как средство для этого возвращения.

Отсюда проистекало и желание корреспондентов выделять в русском языке и культуре нордический, арийский субстрат (это делалось в стиле Н.Р. Гусевой и С.В. Жарниковой, с отсылками к томам Б. Рыбакова и М. Фасмера), и попытка сопоставления «Влесовой Книги» с «Хроникой Ура Линда», как «одинаково истинных и одинаково фальсифицированных источников» (сама по себе удивительно русская, «нелинейная» формулировка!). И свои предложения по переводу названий германских рун на язык «рун славянских»...

Отписывая очередному корреспонденту дежурное уверение «будет Вирт», нам вдруг на момент показалось, что явление «Вирт» во многом предопределено самим настроем, и если его долго ждут, если о нём долго думают и тоскуют, значит, действительно «будет Вирт» – Вирт как явление, сопоставимое с возрождением традиции Севера и во многом предчувствованное в тенденциях немецкого романтизма.

---

¹ Вирт, Герман Феликс. Хроника Ура Линда. Древнейшая история Европы / Пер. с нем. Кондратьев А.В. – М.: Вече, 2007.

Прарелигия – тайна романтизма

Но не только немецкого!

Подобно тому, как ариософия пришла из Австрии, утвердившись затем в Германии и даже в Румынии², точно так же и романтизм возникал и утверждался не в одной лишь Германии, но попутно и в Англии, и в ряде других стран. Вопреки убеждениям односторонних германофилов, «есть единый романтизм, французский ли это будет романтизм или немецкий, хотя единство это далеко не всегда сразу же для нас доступно»³. Француза Артура де Гобино, немца Пауля де Лагарда и англичанина Хьюстона Стюарта Чемберлена – что их объединяет?

На самом деле, не так уж и много. И, тем не менее, Герман Вирт называет их своими предшественниками, добавляя в «генеалогию» англоязычного индуса Бала Гангадхара Тилака, открывшего миру тайну полярной Прародины... Все они, безусловно, имеют отношение к некоему «корневому мифу», по сравнению с древностью которого древность «арийцев и евреев», «белых и чёрных» или «франков и галлов» (Гобино) имеет значение второстепенное.

В лингвистике этому «корневому мифу» сегодня соответствует понятие «ностратика», в этнологии – понятие «автохтонов», в религиоведении – факт «Прарелигии». Это – тот самый уровень древности, исходя из которого, становятся понятными все последующие различия, локальные языки, предания и этносы.

Именно по этой причине работу великого английского романтика и специалиста по северным сагам Бенджамина Торпа (1782–1870) мы решили представить небольшим экскурсом в теорию Прарелигии, а также рассказом о том, как те же самые нордические мифы, о которых говорит Торп, будут усвоены и обоснованы в ариософии – этом естественном продолжении всего европейского романтизма.

---

² Именно это, сама того не до конца понимая, пытается показать французская журналистка, разоблачая «трёх великих румынов». *Ленель-Лавастин, Александра*. Забытый фашизм: Ионеско, Элиаде, Чоран. – М.: Прогресс-Традиция, 2007.

³ *Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии. – СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 110.

Биография Торпа

Прежде чем перейти непосредственно к Прарелигии, необходимо рассказать о Бенджамине Торпе, авторе трёхтомной «Нордической мифологии», помещённой в нашем издании под одну обложку.

Родившись в 1782 году, Бенджамин Торп получил фундаментальное образование в Копенгагенском университете. Его наставником в изучении древних текстов был датский филолог Расмус Кристиан Рэск (Rasmus Christian Rask), благодарностью к которому проникнуты многие, даже поздние, сочинения Торпа. После окончания четырёхлетнего курса в датском университете Торп возвращается в 1830 году в свою родную Англию, где уже через два года выходит его первый научный труд – английская версия Кэдмоновского метрического парафраза отдельных пассажей Священного Писания. Поэзия, мифология, библеистика... Одним словом, как выражались в тогдашнее время – «науки о духе» или, ещё короче, – «филология».

Ещё через два года наш филолог радуется мир новым своим детищем под названием «*Analecta Anglo-Saxonica*». Эти англосаксонские хроники на долгие годы станут главным подспорьем всех английских медиевистов. А из-за идеального литературного стиля по ним будут изучать английский язык те же немецкие романтики. Одновременно внимание Торпа переключается на правовую документацию, которая в интересующий нас период (Средние века и чуть позднее) была сплошь прошпигована сакрально-традиционными элементами, изучение которых без добротного знания первоисточников было бы невозможным. А потому Торп с присущей ему усидчивостью начинает переводить один первоисточник следом за другим, благо хорошее образование, наличие в запасе свободного времени и желание приоткрыть миру тайны английского духа это ему позволяют.

Так появляется на свет том «Древних законов и установлений Англии» (*Ancient Laws and Institutes of England*, 1840), бывший, по сути, английским переводом законов англосаксонских королей, а также серии «Англосаксонских хроник» (1861) и «*Diplomatarium Anglicum aevi saxonicum*» (1865) – собрание раннеанглийской правовой документации.

Эдда и Беовульф

И все же не в этом, совсем не в этом лежала главная идея Торпа. Его взгляд устремляется в сторону народных преданий. Именно там, в этих мифах, легендах и сказках, находит Торп главное обоснование своего многолетнего труда. За прожитые им 88 лет Бенджамин Торп сделал для сравнительной мифологии Европейского Севера намного больше, чем нередко за целое столетие делает какой-нибудь «институт этнологии». Начнём с того, что именно он первым издал англосаксонскую поэму «Беовульф» (1855), именно он, Бенджамин Торп, первым перевёл на английский язык «Священные Евангелия англосаксов» (1842), а также – и в этом его основная заслуга перед «нордической мифологией», как её начинали понимать на Альбионе – именно Торп перевёл на английский язык исландскую «Старшую Эдду», и произошло это в 1866 году.

Этим, пожалуй, можно было бы ограничиться. Но Торп был не таков. Он вошёл в «переводческий раж» (есть такое понятие у профессиональных переводчиков – чувство, чем-то родственное берсеркистскому «Wut»⁴, хотя и от него отличное), и перевёл на английский язык также книгу доктора Лаппенбурга под названием «History of England under the Anglo-Saxon Kings» (1845).

Самое же известное произведение Торпа вы держите в руках. Три увесистых тома, из которых каждый готов по глубине и обширности посоревноваться с «Немецкой мифологией» Якоба Гримма (1835), из которой, кстати, отдельные ключевые сюжеты Торповской энциклопедии были творчески позаимствованы. Не забудем и о других величайших немецких германистах, работы которых так или иначе преломились или «были предвосхищены» (что с учётом нашего тезиса о единстве романтизма, по существу, роли не играет) в сочинении Торпа. О них следует рассказать в связи с теорией Изначальной Религии, столь многое позволяющей объяснить в пространной энциклопедии Бенджамина Торпа. Речь пойдёт о смысле язычества.

---

⁴ Ярость, неистовство (нем.). Подробно описано в работах немецкого германиста Отто Хёфлера.

Тысячелетнее сновидение

Смысл германского язычества на сегодня можно считать утраченным, и не в последнюю очередь благодарить за это следует тех, кто его изучал. Если не вспоминать об архитектуре (которая у германцев была, но была в основном деревянной), то первейшими нашими источниками оказываются древнеримские этнографы вроде Тацита⁵, видевшие в германцах в лучшем случае образчики «благородного дикарства».

Достойные уважения за своё благородство, германцы были презираемы за свою «дикость», вернее, за то, что могло показаться диким при определённом ракурсе – при смотре-нии сверху вниз. Тысячу лет, или чуть меньше, германцы пребывали внизу. Вплоть до начала XX века их репутация варваров, созданная римскими историками и подкрепляемая незнанием культовой символики и археологии, оставалась вполне актуальной. «Нас называют вар-варами, – жаловался, к примеру, Вернер Зомбарт в своей книге о немецком социализме. – Хорошо, мы превращаем это бранное название в почётное: мы – варвары и гордимся тем, что являемся ими и стремимся ими остаться. Мы ещё молоды, готовы ко всему новому. Мы знаем, что сможем выполнить наше призвание только в далёком будущем»⁶.

Сегодня, когда книги по «Возрождению Языческих Традиций» становятся частью моды, терапевтически полезным было бы взглянуть на предысторию того, что основатель «Аненэрге» проф. Герман Вирт называл «нордическим пробуждением» (*das nordische Erwachen*)⁷ – посмотреть сквозь историю религии без желания кого-либо осудить или реабилитировать.

Для начала представим себе ситуацию: мы видим очень красивое сновидение. Там много фактов, все они переплетены, имеют какую-то сложную сюжетную канву, в русле которой мы испытываем внутреннее восхищение, ни на минуту не сомневаясь в реальности происходящего. Затем мы просыпаемся, и долгое время всё собираем воедино, вытаскивая из памяти мельчайшие подробности. Разумеется, наше ощущение от того, что происходило во сне, будет уже другим. Мы перестали быть героями – мы превратились в историков. В какие-то счита-ные минуты реальные события жизни превратились сначала в белый лист, затем всё это стало эскизом, а эскиз перерос в картину. Стоп. Чем более мы в неё вглядываемся, тем яснее мы понимаем, что это – уже не сон, а если не «сказка, сделанная былью», то, по крайней мере, какая-то сказочная мутация того, что во сне было для нас единственной былью и единственно представимой реальностью. Получается, что момент нашего пробуждения был скорее момен-том утраты, но при этом – и вот в чём хитрость – если бы мы не пробудились, нам не удалось бы создать картину, становящуюся по прошествии времени единственным доказательством нашего сновидения.

---

⁵ *Tacit., Cornelius. О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит. Сочинения в 2-х томах. Т. I. Анналы. Малые произведения. – Л., Наука, 1969.*

⁶ *Sombart, Werner. Deutscher Sozialismus. Berlin, 1934, S. 160.*

⁷ *Wirth, Herman. Was heißt deutsch? Ein urgeistesgeschichtlicher Rückblick zur Selbstbesinnung und Selbstbestimmung. Jena, Eugen Diederichs Verlag. 1939.*

Два топора Туисто

Отслеживая в истории эпохи «нордического пробуждения» – сначала в религии Эона ИАО и в Явлении Спасителя и Сына Божия в эпоху мегалитических гробниц, затем – в «нордической Реформации» Мартина Лютера, наконец – в зародышах символично-исторического метода палеорелигиозной реконструкции⁸, Герман Вирт постоянно напоминал о подвижности мифов относительно более надёжной реальности священных символов, значение которых может оставаться неизменным на протяжении многих тысячелетий. Вот лишь один пример: Тацит рассказывает о том, что германцы высоко чтили некоего «порождённого землёй Бога Туистона» (*Germania*, cap. 2). Из того, что от этого Туистона-Тевта, по пересказанной Тацитом легенде, происходят все германцы, многие заключили, что Туистон был двуполым, что, как правило, мотивировали его же этимологией (Туи-Тиу-Диу-Дуо и т. д.). По Вирту, это абсурд – сделать из главного Бога германцев «ближневосточного андрогина» (так у Вирта⁹) только на том основании, что этот Бог именуется «двойным». Обращаясь к древнейшим нордическим символам, Вирт показывает, что Туисто «двойной» оттого, что он приходит в наш мир в точке раскола – рогатый, на двух кораблях, с одной рукой, опущенной вниз и другой – воздетой вверх.

Иногда в наскальных рисунках Севера (около 25 000 лет до Р.Х.) та же религиозная идея передаётся в форме двух топоров. «Год – это Крест, – говорит Вирт, – а Крест – это два Топора, Крюка. Когда Крест из Крюков замыкается, то Год, годовой путь¹⁰ Солнца закончен. Колесо Кельтского Креста стоит на месте. Это – Поворот Света и Жизни. Но когда Год, годовой путь Солнца, начинается снова, тогда начинается новый годовой путь и новая жизнь, и тогда Крест открывается, Колесо из Креста превращается в Два Топора, лезвиями смотрящие в разные стороны и делящие Год надвое, дающие ему новый годовой путь и новую Жизнь»¹¹.

В реконструированной Виртом календарной теологии народов Севера мы встречаем не одного, а сразу трёх Спасителей. Учёный говорит, что в древнейшей культовой символике атланти-нордической расы было как минимум три архетипа, три классические формы, отображавшие образ Сотера – и формы эти зарождались от Календаря, бывшего центром всех ритуалов. В том числе, ритуалов Двойного Топора, Лабарума-Лабриса.

Первый Спаситель являлся в Полночь. Это – Спаситель Зимний, образ Юла. Он изображается с поднятыми руками в виде руны Мадр. Это – «Гусиная Лапка», Человек Зимнего Солнцестояния. Затем, в Летнее Солнцестояние, являлся другой Спаситель – Небесный Царь с вытянутыми в разные стороны руками (+), идентичный расколотому надвое Году (образ Туата – Двойного).

Но затем являлся и Третий. «Младший вовсе был дурак» – это не про Него, хотя отчасти и про него. Дело в том, что именно Он и есть Нисходящий в Кенозисе (то есть, в Кеному, кто понимает) Спаситель Страдающий, Умиравший, Человек с опущенными руками. У германцев, (чтобы не наговорить ересей) этого Третьего Посланника звали Тюрор или Улльором. Он же – Тиу, Циу, Дьяус, Деус и т. д. Руки Его, опущенные вниз, были руками смирения – для смиренных, но также и образом знаменитого Копья Судьбы¹².

⁸ Wirth, Herman, Prof., Dr. Europäische Urreligion und die Externsteine. Wien. Volkstum-Verlag Wilhelm Landig, 1980, S. 18 ff., Wirth, Herman. Was heißt deutsch? Ein urgeistesgeschichtlicher Rückblick zur Selbstbesinnung und Selbstbestimmung. Jena, Eugen Diederichs Verlag. 1939. S. 21.

⁹ Wirth, Herman. Was heißt deutsch? S. 20.

¹⁰ От немецкого «Jahrgang» (годовой путь) происходит, возможно, севернорусское название свастики – Ярга. – Прим. А.К.

¹¹ Wirth, Herman, Prof., Dr. Europäische Urreligion und die Externsteine, S. 34.

¹² Lother, Helmut. Neugermanische Religion und Christentum. Gütersloh, 1934, S. 22. Höfler, Otto. Das Germanische Kontinuitätsproblem. Hamburg, 1937; Равенскрофт, Тревор. Копьё Судьбы. – СПб.: Амфора, 2006.

В одном случае мы имеем здесь какое-то странное дохристианское Откровение о Троичности Бога, бывшее, по Вирту, источником не только христианского богословия, но также и более поздней религии вотанизма. В другом – это только случайное совпадение, но тогда возникает вопрос – почему подобных совпадений так много? Почему все они так или иначе говорят о предвосхищении христианства в древнегерманской языческой религии?

Древнегерманская Троица

На одном из петроглифов Швеции эта Прагерманская Троица выглядит следующим образом: некие два Бога – один, очевидно, однорукий, другой, по всей видимости, двурукий, крутят большое кельтское колесо. Поясняя это изображение, Готтфрид Шпанут («Древнегерманская религия и христианство») выстраивает целую таблицу касательно того, какими именами этих Богов следует называть и какие функции в ритуале им, вероятно, соответствуют¹³.

С помощью этой таблицы Г. Шпанут (не путать с Юргеном Шпанутом, жившим несколько позже, хотя и писавшим на те же темы) объясняет предельно много. Даже «Солнечный Храм Стоунхенджа» оказывается у него пятью трилитами, каждый из которых есть пустой Божий Трон, место присутствия Трёх Богов, правивших пятью планетами в пространстве и пятью днями недели – во времени.

Эта языческая Троица, знаменующая Солнце Непобедимое в трёх Его аспектах («Солнце Побеждающее», «Солнце Умирающее» и «Божество Земли») была отнесена автором к эпохе неолита (около 2000 лет до Р.Х.) и разобрана в соответствии с данными историков. В одном случае (данные археолога Густава Коссины), это были «Бог Молота», «Бог Копья» и «Бог Однорукий», то есть, Донар, Вотан и Тиу. В другом (информация Цезаря) – Сол, Вукан и Луна (Нертус или Тиу). В третьем (сообщение Тацита) – Геркулес, Меркурий и Марс, соответствующие Фрейру, Вотану и Тиу в их римской интерпретации. «Кроме того, эти боги до конца язычества имели в Швеции, в Упсале, общий храм; его посетили германские путешественники, и его, так же как и некоторые из происходивших там церемоний, по их впечатлениям, описал Адам Бременский»¹⁴. По версии Дюмезиля, эти три верховных германских Бога олицетворяют собой три индоевропейских сословия, а именно: жречество, воинство и крестьянство. Имеющиеся у нас сообщения историков, например, что от каждого из Богов происходило своё германское племя (ингевоны – от Донара, истевоны – от Вотана и ирмионы – от Тиу), вряд ли способны подтвердить гипотезу Дюмезиля. Речь шла, по видимости, о чём-то другом...

---

¹³ *Spanuth, Gottfried.* Die altgermanische Religion und das Christentum. Mit 14 Abb., Göttingen, 1934, S. 23 ff.

¹⁴ *Дюмезиль, Жорж.* Верховные Боги индоевропейцев. – М.: Наука, 1986. С. 138.

Прарелигия «Вихинай»

Если вернуться к метафоре сновидения, то религия древних германцев – это своего рода сон на тему ушедшего ритуала. Нам уже не понятно, с какой целью Однорукий с Двуруким вращали своё Колесо. Миф о руке, откушенной у Однорукого Волком Фенриром – это всего-навсего метафора. В какую сторону Колесо вращалось – это нам тоже не совсем понятно. Древний прагерманский ритуал куда-то ушёл, каменные гробницы были оставлены, а Боги наскальных рисунков крепко заснули, чтобы проснуться в виде Богов германских.

Это совсем не смерть, так как смерть у Богов отсутствует. То, что ошибочно принимают за «Гибель Богов» – это лишь сумерки, сон, в который время от времени впадают целые пантеоны. Этот процесс далеко не трагичен, так как не является необратимым, и не морален, так как вполне естествен. Он – далеко не «последствие греха»¹⁵, наоборот, с нордической точки зрения «грехом» было бы отступление от Судьбы и желание Богов избежать неизбежного¹⁶.

Если развивать далее идею «Божественных засыпаний» (по образцу «Дня и Ночи Брахмы» и легенды о спящем Императоре), то можно прийти к выводу, что нордическая религиозность, при всём своём внутреннем единстве, засыпала к новому пробуждению как минимум несколько раз. Этот момент подробно описан у австрийского мистика и религиоведа Гвидо фон Листа (1848–1919) в его исследовании «Религия ариогерманцев в её эзотерике и экзотерике». Там изложена необычайно интересная концепция, проясняющая все повстречавшиеся нам затруднительные моменты: наличие у германцев идеи Спасителя и Троичности Бога, наличие в Стоунхендже пяти трилитов и их связь с календарными ритуалами и Праязыком. Кроме того, у Листа мы также находим детально продуманную теорию трёх сословий, задолго до Дюмезиля отвечающую на многие поставленные им вопросы.

В общих чертах теория Листа выглядит следующим образом. Изначально существовала древняя Wihinei («Вихинай»). Так называлась общая для всех индоевропейцев единая Прарелигия, бывшая непосредственным Откровением Единого Бога-Андрогина, Общего Истока всего сущего. Если говорить об эпохе листовской Прарелигии языком последующего религиоведения, то можно сказать, что это была эпоха изначального монотеизма, память о которой можно обнаружить в самых разных мировых и этнических религиях. Достаточно вспомнить одного только священника, Вильгельма Шмидта (1868–1954), жившего в той же Вене, что и Лист и написавшего на тему изначального монотеизма целых 12 толстых томов («Происхождение идеи Бога»)¹⁷. Это была по-своему отчаянная попытка реконструкции первобытной веры в Единое Верховное Существо, исходя из одних лишь этнологических описаний сохранившихся древних культов. Верования австралийских, североамериканских и прочих аборигенов представляли у Шмидта в виде своего рода «дохристианского христианства», подтверждающего истинность матери католической церкви, верным сыном которой он Шмидт и являлся.

У Листа всё обстояло совсем по-другому. Никаких религий кроме древнейшей ариогерманской «Вихинай» он вообще не признавал, проводя различие между Вихинай как религией и так называемыми «религиозными системами» (Religions-Systeme), которые создаются современниками – для современников и соплеменниками – для соплеменников (von Zeitgenossen für Zeitgenossen, von Artgenossen für Artgenossen) и соответствуют лишь потреб-

¹⁵ Момент, хорошо обоснованный Андреасом Хойслером: *Heusler, Andreas*. Die Herrenethik in der isländischen Saga, und Altgermanische Sittenlehre // Germanentum. Berlin, 1921.

¹⁶ *Гюнтер, Ганс*. Религиозность нордического типа. (5-е изд., 1943) // *Гюнтер, Ганс*. Избранные работы по расологии. – М.: Белые альвы, 2002. С. 272; *Гюнтер, Ганс Ф.К.* Индоевропейская религиозность. – Тамбов: Полус, 2006. С. 38.

¹⁷ *Wanderfels, Hans*. Wilhelm Schmidt (1868–1954) // *Klassiker der Religionswissenschaft von Friedrich Schleiermacher bis Mircea Eliade*. Hg. von Axel Michaels. München, 1997. *Schmidt, Wilhelm*. Der Ursprung der Gottesidee. 12 Bde, 1912–55; *Элиаде Мирча*. Ностальгия по истокам. – М.: ИОИ, 2006. С. 45–53.

ностям времени и племени, так никогда и не достигая возвышенной цели – стать Религией для всего мира – такой религией, какой в своё время была древняя «Вихинай»¹⁸.

Древнегерманский корень *wih*, от которого происходит понятие «*Wihinei*», ясен не до конца. В обстоятельной книге «Священное у германцев», написанной одним из крупнейших германистов XX века Вальтером Бэтке, этот корень толкуется как «кольцо». Что за кольцо? – на этот вопрос Бэтке в растерянности приводит множество авторитетных версий, демонстрирующих наличие серьёзной проблемы, но в корне ничего не объясняющих. Кольцо *wih* – это либо «священный предмет», о культовой роли которого остаётся только гадать, либо «храмовое сокровище готов» (а заодно, быть может, и Нибелунгов?), либо «отличительный знак царей и жрецов», либо (совсем несерьёзно, но любопытно) «дверное кольцо храма». Кстати, во многих храмах Скандинавии действительно имелись дверные кольца, посмотреть же об этом можно в «Хаймскрингле» (I: 370). Намного интереснее гипотеза с клятвой, при принесении которой выдавалось особое «инициатическое кольцо»¹⁹.

---

¹⁸ *List Guido von*. Der übergang vom Wuotanismus zum Christentum. Leipzig und Zürich. 1911, S. 12–13.

¹⁹ *Bätke, Walter*. Das Heilige im Germanischem. Tübingen, 1942, S. 89. *Ганина Н.А.* Готская языческая лексика. – М.: МГУ, 2001. С. 64–80.

Закон трёх стадий

По версии Листа, «Вихинай» с незапамятных времён передавалась в кругу посвящённых, и различные версии нордических мифологий, содержащие предания о множестве Богов – это лишь гулкий отзвук некогда единой Религии, бывшей строго монотеистической и претерпевшей на пути «вотанической деградации» три основных изменения. Эти три изменения стали основой трёх религиозных эпох, каждой из которых соответствовала своя культовая система.

Первая эпоха, с которой начинается деградация Вихинай, – это эпоха трансформации предвечного Бога-Андрогина (Суртура или Великого Духа) в муже-женского гермафродита и Автогена, то есть Бога, породившего самого себя. Отголоски этого превращения имеются во множестве древних культов, и мы не будем на этом вопросе останавливаться.

Затем наступает вторая стадия. Это эпоха Солнечной Девы, девственной Рожаницы, Женского Божества, непорочно рождающего Бога-Сына. Речь шла у Листа о времени весьма отдалённом, память о котором сохранили одни лишь резные фигурки граветтийской культуры (так называемые «неолитические Венеры»), а также отдельные мотивы эддических песен²⁰ или славянской народной вышивки²¹.

Третья стадия: эпоха вотанического политеизма, начало которого было положено в превращении различных аспектов Единого во множество отдельных Богов и Богинь. Так образовывался пантеон вотанизма – нордической религии эпохи патриархата. Любопытно, что понятию «вотанизм» Лист постоянно противопоставляет другое понятие – «арманизм». Если вотанизм – это, собственно, «нордическая мифология», то есть остатки религии и обычаев простых северогерманских крестьян, то арманизм – это религия духовной элиты, которая даже в самое тёмное время забвения древней Вихинай²² оставалась верна Единой Религии. С эпохой раскола и расслоения Вихинай арманизм сохранил её эзотерику, вотанизм же явился экзотерической стороной той же самой древнейшей Религии. Это были как бы две руки единой Прарелигии, «высшая» и «низшая» мифология, говоря языком Вильгельма Шварца²³.

На третьем этапе деградации Вихинай произошла очередная фундаментальная подмена, состоявшая в том, что «арманические обозначения качеств превратились в вотанизме в собственные имена Богов»²⁴. Так появился политеизм. Затем, в довершение всех бед и в угоду грубейшей чувственности, эти Боги стали изображаться по образу и подобию человеческому – так, как они никогда не изображались. В этом и состояла главная особенность периода вотанизма – предельная очеловеченность (антропоморфность) божественных образов – то, чего не было в эпоху Предвечного Андрогина и что постепенно намечалось лишь на второй стадии, в эпоху Солнечной Девы²⁵.

²⁰ *Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев*. – М.: Индрик, 2005.

²¹ *Жарникова С.В.* Архаические корни традиционной культуры Русского Севера. – Вологда: МДК, 2003. С. 2–48.

²² У Листа встречается различие между двумя разными «Вихинай», а именно, «Древней Вихинай», в качестве Прарелигии, и просто «Вихинай» – в смысле обычного колдовства. Первая существовала задолго до религии Вотана, вторая же появилась из вотанизма как его магическое продолжение. Первая, предвотаническая Вихинай, есть Религия до и по ту сторону эзотерики и экзотерики, вторая же – это выродившийся «финский» шаманизм, чисто экзотерическая колдовская система, набор действенных практик и заклинаний. (*List Guido von. Das Geheimnis der Runen*. 5. Aufl., Wien, 1938, S. 53). Понятие «Викка», восходящее к тому же самому корню, соотносится именно с последним значением «Вихинай».

²³ *Schwartz, Wilhelm. Der heutige Volksglaube und das alte Heidentum*. Berlin, 1849, *Schwartz, Wilhelm. Indogermanischer Volksglaube*. Berlin, 1885.

²⁴ *List Guido von. Die Religion der Ario-Germanen in ihrer Esoterik und Exoterik*. Leipzig und Zürich. 1910, S. 15.

²⁵ Про эти три стадии деградации древней Вихинай Лист говорит, как кажется, только в одной своей книге: *List Guido von. Die Religion der Ario-Germanen in ihrer Esoterik und Exoterik*. Leipzig und Zürich. 1910, S. 7–10.

Переход от вотанизма

Единственными хранителями Истины в эпоху торжества вотанизма оставались нордические арманы (средневековые герольды, рыцари Храма и люди из союза «Фемы»), на протяжении многих столетий оказывавших противодействие вторжениям иррелигиозности, а также низменно-шаманского и романского духа, бывшего для германцев тлетворным и разлагающим. Никаким «вотанистом» Лист, разумеется, не был, так что все упрёки по этому поводу, исходившие от Германа Вирта²⁶, Ганса Гюнтера²⁷ и других авторов, можно считать безосновательными. Наоборот, Листа объединяет с Виртом искреннее желание восстановить облик изначального монотеизма (почитание Бога как Всеотца), с Гюнтером – систематизация общеиндогерманских универсалий, проявивших себя в истории и религии.

Главная мысль арманизма, без усвоения которой всё дальнейшее будет бессмысленно, – это идея Троичности как всеобщего Закона, лежащего в основе всего мироздания. Эта Троичность есть всесильный принцип *Рождения – Бытия – Умирания ради Возрождения*, символически представленный в мифообразе германской Троицы (Один – Вили – Ве; Урд – Верданди – Скульд; Вотан – Тиу – Донар, и т. д.) и являющийся ключом к «виртовской» идее Троичности Спасителя.

Кроме того, этот закон «Entstehen – Sein – Vergehen zum Neuerstehen» был, по Листу, также основой германского общества, разделённого на три сословия, ошибочно принимаемые за три племени²⁸. Это были мудрецы (Lehrstand), сословие тех, кто учит, хранит ритуалы (Рита), – духовный цвет народа – его ирмионы или арманы (семаны). Затем, сословие воинов (Wehrstand), тех, кто защищает, – истевоны. И также сословие крестьян-фермеров (Nährstand) – ингевоны. Первые представляли на Земле идею Рождения, вторые – идею Бытия-Пребывания, третьи – идею Распада и Умирания. Все три сословия отражали различные «лики» Бога – того самого Триединого Спасителя, веру в Которого постарался обосновать на материале петроглифов Герман Вирт.

В конце XIX века один необычайно талантливый филолог по имени Софус Бугге (1833–1907) на материале Эддических текстов старался доказывать, что вся вера германцев и «нордическая мифология» есть явление необычайно позднее, постхристианское, и во многом обязанное своим происхождением, с одной стороны, – греко-римской античности, а с другой – теологии христианства и иудаизма. От греков, из «Сивиллиных оракулов», появились «Прорицания Вёльвы», от иудеев периода Второго Храма – апокалиптический настрой и образы Рагнарёка, от христиан – вера в умирающего и воскресающего Бальдра, в распятого на Мировом Древе Одина и т. д.²⁹. Эта идея Бугге была воспринята в науке и доведена до абсурда сначала немецким исследователем Элардом Гуго Майером (1837–1908), а затем – финским специалистом по фольклору Каарле Кроном (1863–1933). Разумеется, у приверженцев германского мифа эта попытка его «разобрать» и «деконструировать» вызывала лишь отторжение.

Чтобы «бороться с врагом его же оружием», северные почитатели Одина брали найденные филологами совпадения и старались обосновать то же самое заимствование, только в другую сторону. Так, например, поступили Ф.Р. Шрёдер – в «Германстве и эллинизме»³⁰ и Фридрих Дёллингер (он же – Герман Виланд, он же Йенс Юргенс, он же Ганс Лиенхардт, он же

²⁶ Вирт, Герман Феликс. Хроника Ура Линда. Древнейшая история Европы / Пер. с нем. Кондратьев А.В. – М.: Вече, 2007, с. 326, 367, 389, 515.

²⁷ Гюнтер, Ганс Ф.К. Избранные работы по расологии. Изд. 2-е. – М.: Белые альвы, 2005, с. 96.

²⁸ List Guido von. Die Armanenschaft der Ario-Germanen. Leipzig, o. J., S. 4.

²⁹ Изложение его концепции содержится в работе: Vries, Jan de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. I. Berlin, Leipzig, 1935, S. 73 ff.

³⁰ Schröder F.-R. Germanentum und Hellenismus. Heidelberg, 1924.

Карл Вайнлендер) – в книге «Бальдр и Библия»³¹. Эти авторы просто показали, что не Бальдр пришёл с Востока, а как раз наоборот, именно германское почитание Бальдра – единственного идеального персонажа на всю нордическую мифологию – стало истоком различных ориентальных и эллинистических представлений об умирающем и воскресающем Боге.

У других авторов, как, например, у норвежского неоязычника Варга Викернеса, та же самая идея заимствования (как в ту, так и в другую сторону) отвергается в принципе: «Много раз я обнаруживал теорию о том, что история о том, как Один повесился на Иггдрасиле – только копия мифа о том, как Иисус был распят (или посажен на кол, как говорили позже). Это не так. Один повесился сам – Иисус был повешен; Один пронзил себя копьём – Иисуса пронзил римский солдат; Один висел на верёвке – Иисус был крепко прикован; и наконец, Один висел на дереве один, в то время как Иисус висел со многими другими. И результат повешения различен: Один вошёл в состояние между жизнью и смертью, в то время как Иисус умер для того, чтобы позже восстать из мертвых и опять умереть (если он вообще умер на кресте). Один же жил дальше. Он научился рунам с их другой стороны, со стороны смерти <...>. В то время как Один висел девять дней и девять ночей, Иисус висел только один день (и ночь?)»³² и т. д.

Позиция Листа и других авторов арманического круга (Рудольфа Йона Горслебена, Филипа Штауффа, Вернера фон Бюлова и т. д.) была намного оригинальнее. С одной стороны, все они, так или иначе, вышли из недр католической традиции и пытались по отношению к христианству сильнейшую симпатию. В нём они видели продолжение арманизма – в этом отношении особенно интересна идея фон Листа, что христианство как «религиозная система» (Religions-System) имеет в своей основе «запакованную» Вихинай – это эзотерическое ядро различимо наиболее чётко в писаниях тевтонских мистиков (Бёме, Экхарт, Таулер), а также в символике христианских храмов, несущей в себе колоссальный и совершенно неисследованный арманический потенциал.

Помимо основополагающей для Вихинай идеи Троичности, в христианстве присутствуют также все три выше описанные стадии перехода от Вихинай к религии Вотана: учение о Безначальном Отце («Протобог Андрогин» вотанизма, ставший позднее Альфатером), учение о Единородном Сыне и Непорочной Деве, «неискусомужно» Его родившей, а также трансформированные варианты различных Божеств, надёжно укрывшихся под именами святых и небесных «чинов».

³¹ Döllinger, Friedrich. Baldur und Bibel. Weltbewegende neue Enthüllungen über die Bibel. Germanische Kultur im Biblischen Kanaan und Germanischem Christentum vor Christus, kürzere Volksausgabe, Nürnberg, 1920.

³² Викернес, Варг. Речи Варга (Vargsmal). – Б.м., 2002. С. 175–176.

Ритуальные маски Вотана

В то время как церковные проповедники создавали свою официальную версию германской древности (почитание бесов под именем Богов, повальная одержимость нечистой силой и т. д.³³), в так называемом «народном христианстве» вся латинская казуистика значила крайне мало. Вместо этого продолжали совершаться ежегодные ритуалы («Рита арио-германцев» – по выражению Листа), говорящие нам о том, что древние Боги всего лишь «заснули», замаскировавшись под святых христианской церкви.

Наиболее характерный пример подобного псевдоморфоза – это культ святого Николая Мирликийского, день памяти которого в точности совпадал с днём празднования Великого Юла – зимнего солнцестояния. В дохристианскую эпоху это был день Одина, почитавшегося, в том числе, в качестве духа приливов. Отсюда происходит одно из наименований (кеннингов) Одина, звучащее как «Никарр» или «Хникарр» и упоминаемое в третьей главе *Gylfaginning* из Младшей Эдды³⁴. Как показал верховный жрец «Общины германской веры» Геза фон Немени³⁵, из индоевропейского корня «*neigh*», связанного с «омовением», происходит не только эпитет Вотана, но также и различные имена водяных (старонемецкое «*nicchus*», шведское «*näck*» или немецкое «*Nöck*»). Имя святителя Николая было наложено на уже имевшийся комплекс языческих представлений, и потому в его житии мы читаем о всевозможных чудесах, связанных именно с водной стихией – миром Вотана-Водина³⁶.

В своей замечательной книге «Германские Боги и герои в христианскую эпоху» Эрих Юнг приводит страницу из средневековой книги с изображением таблицы предков англосаксонских королей. И хотя эти короли, – позволяет себе иронию Юнг, – были примерными христианами, они, тем не менее, повелели изобразить себя в виде прямых потомков Бога Вотана³⁷.

Подобное обожествление собственных правителей, возведение их генеалогий к Богам и Героям, было характерно для всех традиционных обществ. В Древнем Египте фараон почитался как воплощение Маат (Божественной Истины-Справедливости), что по сути идентично иранским представлениям о царях как носителях Хварно. Фараоном был Первый Бог Атум-Ра, и от него происходили все последующие фараоны, после смерти своей возносящиеся обратно на Предвечные Небеса³⁸. В кокка синто («государственном синтоизме») Японии Император до 1945 года почитался как воплощённое на Земле Божество из солнечного рода Аматерасу, и только в 1946 году, в лице правителя Хирохито, он отрёкся от своего небесного происхождения³⁹.

Точно также и Нортумберийские короли, согласно опубликованному Бенджамином Торпом переводу древних англосаксонских королевских хроник, происходили напрямую от Бога Вотана. «Ида был сыном Эоппы, Эоппа – Эсы, Эса был сыном Ингви, Ингви – Ангевита, Анге-

³³ *Achterberg, Herbert. Interpretatio christiana. Verkleidete Glaubensgestalten der Germanen auf deutschem Boden. Leipzig, 1930.*

³⁴ На это же совпадение указывал Якоб Гримм (Bd. I, S. 457) и доктор Вонбун (*Vonbun, F.J. Beiträge zur deutschen Mythologie. Chur, 1862, S. 18*).

³⁵ *Neményi, Géza von. Nikolaus – ein heidnischer Gott // www.Domhain.de/ggg/artikel/index.php.*

³⁶ В народном православии, где Никола нередко выступал в качестве четвёртой Ипостаси Св. Троицы, он являлся заменой Велеса, связанного с земными водами. См. подробнее: *Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского).* – М.: МГУ, 1982. С. 7, 80–84.

³⁷ *Jung, Erich. Germanische Götter und Helden in christlicher Zeit. Urkunden und Betrachtungen zur deutschen Glaubensgeschichte, Rechtsgeschichte, Kunstgeschichte und allgemeinen Geistesgeschichte. 2. Aufl., München-Berlin, 1939, S. 17.*

³⁸ *Элиаде Мирча. История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий.* – М.: Критерион, 2002. С. 87–93; *Кеес, Герман. Заупокойные верования древних египтян. От истоков до исхода из Среднего Царства.* – СПб.: Летний Сад, 2005. С. 107–152.

³⁹ *Религиоведение / Энциклопедический словарь.* – М.: Академический Проект, 2006. С. 985–987.

вит – Алока, Алок – Бенока, Бенок – Бранда, Бранд – Бэлдэга, Бэлдэг – Вотана, а Вотан – Фреотелафа»⁴⁰.

В своей книге «История Англии во времена англосаксонских королей» (1845) Торп попытался проанализировать этот загадочный материал, а чуть позже стали появляться переведённые на современный английский язык первоисточники: сначала изданные Торпом «Англосаксонские хроники» (1861), а затем и подготовленные У.-Ф. Скини «Хроники пиктов и скоттов» (1867). Однако у англосаксов не доставало метафизической глубины, чтобы постигнуть эту проблему так, как постигли её немцы. Принцип построения исследований того же Торпа больше напоминает складывание фактов в интеллектуальную копилку, нежели попытку найти им духовное осмысление. В этом отношении абсолютно прав был Вернер Зомбарт, говоривший, что английская наука есть порождение духа «торгашества», в то время как потребность в метафизическом осмыслении – это прерогатива немцев⁴¹. Сопоставляя различные памятники средневековой архитектуры, Эрих Юнг приходит к выводу, что христианского в этой архитектуре вообще крайне мало – повсюду мы видим того же Вотана, и даже «молитва мекленбургских крестьян, записанная около 1870 г., начиналась со слова “Wode”»⁴² и т. д.

---

⁴⁰ *The Anglo-Saxon Chronicle*, according to the several original authorities. Ed., transl. by Benjamin Thorpe. Vol. II, London: Longman, 1861, p. 15, 21.

⁴¹ Зомбарт, Вернер. Торгаши и герои // Зомбарт Вернер. Собрание сочинений в 3 т. Том II. – СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 12–75.

⁴² Jung, Erich. *Germanische Götter und Helden in christlicher Zeit*, S. 28.

Рёмлинги и тевтоны

Вышедшая первым изданием в Веймарской республике, книга Юнга была в ту эпоху совершенно неуместна. Многие из приводившихся им памятников архитектуры по старинке описывались историками как «христианские» или «римские», их тевтонско-языческую подоплёку, вопреки самой очевидности, старались просто не замечать. Наука делала вид, что язычества в Средние века уже не существовало, и, чтобы выдерживать заданную коррекцию, стыдливо закрывала глаза и притворялась, что ничего такого «быть не может, потому как не может быть никогда». В этом отношении среди германистов рубежа веков особенно показательна фигура марбургского профессора Карла Хельма. По его мнению, никакой германской религии вообще не существовало, а были лишь разные «религиозные формы», каждый раз разные и свои особые – у восточных, западных и северных германцев. Эта попытка быть «историчным» заводила исследователей в тупик, заставляла придумывать натужные конструкции, отвергая существование очевидного. Так, например, Вотана-Альфатора для Хельма почти не существовало. Он считал Вотана «молодым Божеством, появившимся в Рейнской области». Если бы не пантеон скандинавов, оказавшийся к Вотану более чем гостеприимным, про него было бы мало известно. Так говорил Хельм⁴³.

Хельму вторили многочисленные этнологи, научившиеся у английского позитивиста Тайлора модным в Англии идеям «эволюции форм сознания», в том числе и религиозных. Проходя различные стадии, – учил Тайлор, – религия начинается с анимизма (то есть, идеи всеобщей одушевлённости) и приходит к «развитому монотеизму», то есть, к вере в единого Бога. Опосредующих звеньев здесь было много, но они нас сейчас не интересуют. Важно то, что для Тайлора и его эпигонов в Германии изначально представлялось почитание демонов, а древние германцы казались такими же дикарями, как народы Австралии и Океании⁴⁴. В силу этой причины очень многие языческие памятники либо и вовсе приписывались христианам (могут ли дикари сделать что-то подобное?), либо, если языческое происхождение было чересчур очевидным, эти находки приписывали римлянам, которые казались народом более рассудительным и благопристойным.

Это заблуждение было тогда повсеместным. Его допустил даже такой большой почитатель античности, как профессор классической филологии из Гейдельберга Фридрих Кройцер, автор монументального четырёхтомника «Символика и мифология древних народов, в особенности греков»⁴⁵. Почему греков? А именно потому, что они суть законодатели всей европейской культуры, основа порядка и прогресса... Именно поэтому, когда на Верхнем Рейне в самом начале 1830-х стали копать курганы и извлекать из них типично германские копья, фибулы и горшки, удивительные по своей красоте и древности священные вещи, Кройцер провозгласил, что к германцам они никакого отношения не имеют...

К счастью, тут же нашёлся один баденский пастор по имени Карл Вильгельми, знавший толк в археологии и затеявший с Кройцером жаркий спор на тему атрибуции новых находок. Так сформировались две партии, уничтожительно именовавшие друг друга «рёмлингами» и «тевтономанами». Первые были сторонниками «классической древности», вторые – так называемой «неклассической»... Кто был из них более прав – сказать сложно, тем более что вклад филологов-классиков в нарождающуюся науку о германцах и нордической мифологии был поистине колоссальным. Достаточно вспомнить первый зарифмованный перевод «Эдды» Этт-

⁴³ Helm, Karl. Altgermanische Religionsgeschichte. Heldenberg, 1913.

⁴⁴ Герман, Вилле приводит показательную характеристику германца из «Древнейшей истории немцев» (1806) Й.-Х. Аделунга: «Германец – это хищное животное, которое спит, когда не охотится и не жрёт» (Wille, Hermann. Germanische Götteshäuser. Leipzig, 1933, S. 17).

⁴⁵ Creuzer, Friedrich. Symbolik und Mythologie der alten Völker. Leipzig, 1810.

мюллера (1837), трёхтомную «Немецкую мифологию» Якоба Гримма⁴⁶ или «Историю нордического язычества» (1822) гейдельбергского религиоведа Франца Йозефа Моне⁴⁷ – книгу, содержащую не только подробное изложение текстов «Эдды», но также и вполне оригинальную авторскую теорию⁴⁸.

---

⁴⁶ На русский язык до сих пор переведён только жалкий обрывок из предисловия: *Гримм, Якоб. Немецкая мифология* // *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.* – М.: МГУ, 1987. С. 54–71.

⁴⁷ *Mone, Franz Joseph. Geschichte des Heidentums im nördlichen Europa. Leipzig und Darmstadt, 1822.*

⁴⁸ В своих воспоминаниях Рихард Вагнер рассказывает о начальном периоде своего знакомства с нордической мифологией: «Особенно увлекли меня необыкновенно богатые «Исследования» Моне, хотя строгие специалисты с некоторой подозрительностью относятся к смелым выводам их автора». (*Вагнер, Рихард. Моя жизнь: В 2 т. Том II.* – М.: АСТ-Астрель, 2003. С. 10).

Планетарное учение о Богах

Согласно Моне, всё германское мировоззрение – это «планетарное учение о Богах». Каждое из Божеств отображает определённую функцию планетного мира, находящую строгое соответствие в «микрокосме» человеческой жизни: Фрейя – в виде Рождения, Ньорд – в виде Кормления, Тор – в виде Силы, Фрейр – в виде Любви и т. д. Владыка Асгарда Один оказывался у Моне покровителем Зарождения, или, «что в тевтонской вере всегда значит одно и то же» – Смерти, тогда как Бальдр – образом воскресшей Души... На этой системе отождествлений (не слишком произвольных, но не в меру и обоснованных) строил Моне всё своё толкование песен «Эдды»⁴⁹.

Кройцер, Моне и другие филологи-классики немецкого романтизма составляли так называемую «символическую школу» – каждый миф был для них символом какого-либо понятия, а нордический пантеон предстал своего рода декорацией воображаемого спектакля. Но уже в середине XIX века появляется другая школа, именующая себя «природно-мифологической» и сводящая всю мифическую реальность к отголоскам реальных космических событий. В одном случае (Макс Мюллер) это были события жизни Солнца, и центральная роль отводилась солярным мифам, в другом случае («Лунный Бог» Эриха Церена) – мифам о Луне и её четырёх фазах, в третьем, но далеко не последнем случае (Вильгельм Шварц и Адальберт Кун) главными оказывались переживания непогоды... Sonnenreligion, Mondreligion, Gewitter... Всё это были разные версии одной и той же «Naturmythologie», выводившей истоки любой религиозной традиции к суеверным страхам и астрономическим наблюдениям...

«Теперь понятно, какая ужасная нелепость получается, когда современные ученые говорят о народной фантазии. Народной фантазии не существует, и кто поистине знает народ, не будет говорить так. Можно найти удивительное сравнение: подобно ребенку, который, ушибясь о стол, толкает его потому, что он одушевляет этот стол (так говорят ученые), так же мог нечто вложить во все прачеловек. Это сравнение повторялось до изнеможения. Конечно, здесь есть – фантазия, но это фантазия ученых, а не народа. Те, которые первоначально одушевляли все, те не грезили, – они лишь передавали то, что воспринимали сами.

Этим восприятием обладали древние народы, как остатком, как воспоминанием. Ребенок не одушевляет стол, он в самом себе не чувствует души, он смотрит на себя самого, как на кусок дерева, и поэтому ставит себя на одну ступень со столом. Причина как раз обратная тому, что говорится в книгах. Пойдем ли мы в Индию, в Египет или в какое-либо другое место, всюду мы найдем вышеописанные представления. И в эти представления вливалось то, что было дано древними посвященными»⁵⁰.

⁴⁹ Пересказ его взглядов приводится по: Bätke, Walter. Die Götterlieder der Edda und ihre Deutungen // Bätke, Walter. Kleine Schriften. Geschichte, Recht und Religion in germanischem Schrifttum. Weimar, 1973, S. 195–205.

⁵⁰ Штайнер, Рудольф. Египетские мифы и мистерии и их отношение к действительным духовным силам настоящего. Лекция 3.

Происхождение Огня и «высшая мифология»

Теория «непогоды» здесь наиболее показательна. Появилась она так. Вместе со своим шурином Адальбертом Куном Вильгельм Шварц (1812–1881) в 1840-е путешествовал по северу Германии, собирая и обрабатывая народные сказания и легенды. Сначала их сильно удивляло лишь то, что повсюду они наталкивались на примерно одни и те же рассказы о кобольдах, мудрых девах, блуждающих огоньках, о диком охотнике, гигантах, гномах и т. д. Но потом два фольклориста стали «вытаскивать» из материала общую структуру, и в результате перед ними предстала довольно тесная группа мифических элементов, среди которых чётко выделялось то, что Шварц назвал «низшей мифологией» и то, что он же определил как «мифологию высшую»...

В отличие от авторов символического направления, Шварц был чистым этнографом, и какие-либо этимологические толкования в его книгах отсутствовали. Но зато Кун в этом плане нашёл немало совершенно чётких параллелей (Саранью – Эринии, Гандхарвы – Кентавры, Минос – Маннус – Ману и т. д.), позволяющих говорить о единстве индоевропейской традиции, о едином мифопоэтическом сознании и единой языческой вере самых разных арийских народов. В «Происхождении Огня и Божественного Напитка (докладе по сравнительной мифологии индогерманцев)» Кун рассмотрел миф об Амрите как напитке бессмертия и различные легенды о Небесном Огне, обращаясь к сравнению обрядов, мифов и этимологий.

Эта техническая сторона являлась для Куна чем-то вроде инструмента по реконструкции золотого века – реального исторического периода, именуемого в науке «эпохой индогерманского единства». Тогда не было ни эллинов, ни германцев, ни славян, ни индийцев – но все во всём проявляли себя как арьи, были ариями в самом чистом смысле этого слова. Но затем это единство трагически распалось. «Проистекает ли это отпадение иранцев, славян и германцев от прочих племён <...> из рано случившегося религиозного раскола, и долго ли после этого раскола славяне и германцы пребывали в единстве с иранцами и всеми остальными – это не составляет предмета нашего исследования. Нам достаточно лишь доказать, что все индогерманцы, подробным изложением мифов которых мы располагаем, имели для обозначения Божества одно общее понятие»⁵¹. По реконструкции Куна, это понятие (индийское Дэва, эллинское Теос, германское Тюр, латинское Дэус и т. д.) использовалось преимущественно во множественном числе. Отсюда следует, что оно обозначало не Единое Божество, а многих Богов, или, как выражается Кун, «Божественных Существ».

В этом наметилось принципиальное расхождение с традицией «символистов», бывших в подавляющем своём большинстве (Шеллинг, Кройцер и др.) убеждёнными сторонниками идеи изначального монотеизма. Кун порывал с этой школой, так как шёл от записанного им в поездках эмпирического (фольклорного) материала, и стремился найти в нём логическую структуру, выделив в ней часть повторяющиеся сюжетные блоки.

Затем оставалось лишь «перевести» эти блоки древнейших сказаний на язык природы – окружавшей крестьян Северной Германии и, бесспорно, нашедшей какое-то отражение в мифах. Исходная предпосылка Шварца состояла в том, что природа и её сезонные перемены есть единственный важный источник любого мифа; каждый миф – это, как бы отпечаток погодных условий, а все описанные в мифах «небесные» события суть «рефлекс природы и земных отношений», подвергнутых от недостатка научных знаний скоропалительной мифологизации...

⁵¹ Kuhn, Adalbert. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. Ein Beitrag zur vergleichenden Mythologie der Indogermanen. Berlin, 1859, S. 3–4.

Прозвучавшее слово «рефлекс» (в смысле «отражение», «слепок») здесь особенно характерно. Миф не был важен для Шварца сам по себе – он представлял интерес лишь как попытка осмыслить природу – точно также, как для сторонников «теории рефлексов» в психологии не было разницы между «душой» и «совокупностью реакций на внешний мир»... В «Происхождении мифологии, изложенном на примере греческих и немецких сказаний» Фридрих Шварц прочитывал древние сказания о гигантах и карликах, о Богах, героях и чудесных событиях с целью найти в них ответы на «реальные события», каковыми оказывались как всегда изменения погоды. Эта метеорологическая гипотеза в книгах Шварца просто торжествовала: плывущая в реке волшебная щука превращалась у Шварца в молнию, гиганты – в большие облака, карлики – в маленькие, хищный вервольф (волк Фенрир) их пожирает, но такие же облака – это пояс, в который облачается стая девиц-лебедей или небесная Афродита-Фрейя, но они же – коровы, пасущиеся стадом перед входом в пещеру Циклопа... И т. д. и т. п. Особенно показательна фраза, касательно того, что «на небе расцвела также и та омела, из-за которой Бальдр погиб в борьбе с непогодой»⁵²...

Подобного рода планетарные обобщения, добросовестно воспроизведённые в «Поэтических воззрениях...» А.Н. Афанасьева, вызывали, тем не менее, серьёзнейшие дискуссии. Во время своих путешествий по Германии Кун со Шварцем поняли очень важную вещь, а именно, что любая, пусть даже самая фрагментарная обрядовая подробность из жизни германцев, самый малозначительный, казалось бы, куплет из колыбельной песни или крохотный крестик на деревянной балке – всё это может значить намного больше, чем думают читатели журналов по филологии. Куну и Шварцу пришло в голову, что, путешествуя по Германии и общаясь с простым народом, они погрузились в мир, в общем-то не слишком удалённый от времён сложения Ригведы и Эдды – и это было огромное достижение. Но, как всегда, тут же нашлись ругательные критики, заявившие, что не только современная им народная традиция (куда там!) не отражает реалий индоевропейцев, но даже и сама «Эдда» их отражать не может, так как написана гораздо позднее, под влиянием христианства, Эллады и даже иудаизма⁵³...

«Традиция имеет тихую, но огромную власть»⁵⁴ – возражал в таких случаях Шварц.

⁵² Schwartz, F.-L.-W. Ursprung der Mythologie. Berlin, 1860, S. VIII.

⁵³ Rühls, Friedrich. Versuch einer Geschichte der Religion, Staatsverfassung und Kultur der alten Scandinavier. Göttingen, Röwer, 1801.

⁵⁴ Schwartz, F.-L.-W. Ursprung der Mythologie, S. 25.

Возвращение к Вихинай

«Источником германской, равно как и всякой другой мифологии, является единственно и исключительно народная традиция, нисходящая к нам с высочайших вершин жизни человечества» – подтверждал подозрения Шварца его младший современник мифолог Вильгельм Маннхардт⁵⁵. Эту отправную точку, «высочайшую вершину» и исток всех последующих религиозных и мифологических систем, Маннхардт определяет как «индогерманскую праисторию». Это – эпоха единой индогерманской общности, эпоха единой Индогерманской Прарелигии. Если у Гвидо фон Листа, Германа Вирта, Фридриха Кройцера и других авторов эта Прарелигия была монотеизмом, а у этнологов вроде Куна и Шварца – непременно политеизмом, то у Маннхардта мы встречаем на эту тему скорее осмотнительное молчание, нежели связную и логичную концепцию. Он лишь обозначает, что в истории индогерманского (а заодно, разумеется, и славянского, и грекоримского и т. д.) народа был период абсолютного согласия и взаимопонимания, когда все исповедовали единую Прарелигию, без представления о которой чтение разрозненных второстепенных мифов, собранных у Торпа, Афанасьева или Шварца, будет пустой тратой времени. И хотя Маннхардт прямо и не именует её «Вихинай», ничто не мешает нам сопоставить его схему религиозного процесса в язычестве со схемой Гвидо фон Листа и определить исходную фазу именно этим понятием.

Затем по его схеме следует раскол, образование мифологии и пресловутого «германского язычества». Это как раз то, что в системе фон Листа называется «вотанизмом» – явление спорное и неоднозначное. Даже с приходом и утверждением христианства эту языческую эпоху трудно считать завершённой. Арманизм с вотанизмом и христианством существуют бок о бок, но даже несмотря на это, Маннхардт таинственно утверждает, что вера у немцев осталась всё той же, что была три тысячи лет назад. Впрочем, похожие мысли мы встречали уже у Шварца («Народная вера и древнее язычество». Берлин, 1850) – правда, в другом, более эволюционистском контексте, без привлечения фактора «Вихинай».

Всё, конечно, уже не так. В народных обрядах и суевериях XIX века различные рудименты древнейшей веры доживали свой век на правах, как бы сказали геологи, «петрефактов», то есть окаменелостей органического происхождения. Чтобы они «заиграли» и ожили, сначала их надо было отчистить от налёта книжного знания (передаточным звеном в трансляции мифов нередко оказывались люди книжные), а затем – сопоставить с реальностью более раннего (германско-языческого или даже индогерманско-прарелигиозного) периода. Тут в дело вступали ведические риши и нордические скалды – чистейшие выразители арманической традиции...

Быть может, для многих современных читателей при работе с огромной, по-немецки основательной монографией Маннхардта «Германские мифы», а также с подобными ей исследованиями Якоба Гримма, Хелен Гербер⁵⁶ и с «Нордической мифологией» Бенджамина Торпа, изложенная выше теория Прарелигии окажется именно тем недостающим теоретическим звеном, которое вечно за обилием фактов и мельчайших подробностей куда-то выпадает. Бог весть. Для нас же в данной работе было особенно важно показать всё обилие религиозно-мифических построений на тему германского мифа, не забывая о мифичности любой научной гипотезы, каждая из которых вносит свой вклад в мифичность науки как таковой, и, в особенности, науки о мифах, так называемой «мифологии»⁵⁷.

⁵⁵ Mannhardt, Wilhelm. Germanische Mythen, Forschungen. Berlin, 1858, S. V.

⁵⁶ Гербер, Хелен. Мифы Северной Европы. – М.: Центрполиграф, 2006.

⁵⁷ Vries, Jan de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. I. Berlin, Leipzig, 1935, S. 37.

Планы развития

В заключение пара слов о дальнейших планах серии «Ariana Mystica». В настоящий момент мы работаем над переводом одного из крупнейших мифографов ариософского круга, а именно, Эрнста Краузе, издавшего в 1893 году под оккультным псевдонимом «Карус Штерне» поразительную по своей фактуре книгу «Троянские лабиринты». Краузе, которого многие небезосновательно считают одним из учителей Германа Вирта (многие страницы виртовского «Происхождения Человечества», где речь идёт о лабиринтах, фактически заимствованы у этого автора), предложил интереснейшую расшифровку изначальной мифологемы тех лабиринтальных построек, которые повсеместно рассеяны по территории земного шара и в большом числе сосредоточены на территории Северной Европы. Исходя из современных ему находок, Штерне доказывал, что родиной гомеровского сказания о Трое, равно как и самого лабиринтального мифа является именно Северная Европа. Именно там, а не где-то ещё, этот миф получил рождение – но тогда он ещё был не мифом, а ритуалом. О том, в чём состояла ритуальная система Троянского цикла – об этом Вы прочитаете в книге «Северный миф Лабиринта» немецкого ариософа Эрнста Краузе.

Также в нашей серии уже подготовлено обширное исследование Евгения Фомина, более известного отечественному читателю под литературным псевдонимом «Брунгильда Беренс». Новая книга этого автора носит название «Иранский Грааль» и посвящена реконструкции протограальской мифологемы в Артуровском эпосе. Также как и Краузе, Евгений Фомин исходит в своих исследованиях из абсолютно неоспоримых в науке первоисточников – из священных текстов и признанных описаний различных ритуальных практик, что делает его книгу прекрасным путеводителем по самым таинственным страницам индоевропейской древности.

Андрей Кондратьев

Введение

Читатели, приобретающие в 1851 году книгу Бенджамина Торпа *Нордическая мифология*, знали, что работа эта принадлежит перу видного знатока англосаксонской литературы, законодательства и истории, издателя и переводчика многих значительных текстов; главный его труд, издание *Беовульфа*, над которым Торп работал более двадцати лет, близился тогда к завершению (он вышел в свет в 1855 г.). В *Нордической мифологии* он ненадолго отвлекается от прежнего поля деятельности, чтобы познакомить английскую публику с наиболее современными находками ряда ведущих современных континентальных специалистов по мифологии и фольклору северогерманских народов – то есть жителей четырех скандинавских стран, самой Германии, Голландии и говорящей на фламандском языке части Бельгии.

Современный читатель, однако, скорее всего, будет озадачен предпочтенной Торпом подборкой и организацией материала. Дело в том, что на первых двух сотнях страниц тома I он попеременно обращается то к пересказу основных мифов северного язычества, то приводит комментарий к этимологии имен всех упомянутых в них богов и богинь, великанов, эльфов, гномов, животных, предметов и местностей. Здесь Торп, подобно всем прочим знатокам нордических мифов, черпает материал из двух важнейших средневековых источников. Первым является собрание двадцати девяти анонимных исландских поэм о богах и героях, которые Торп называет *Сэмундовой Эддой* (следуя теории, ошибочно отождествляющей личность компилятора), которую более правильно называть *Поэтической* или *Старшей Эддой*; некоторые из этих поэм были составлены еще до обращения Исландии в христианство (в 999 г. от Р.Х.), хотя сохранившая их рукопись была записана только в тринадцатом столетии. Вторым источником является систематический пересказ мифов и героических легенд, записанных ок. 1270 г. ученым исландцем Снорри Стурлусоном, соответственно носящий имена *Эдды Снорри*, *Прозаической* или *Младшей Эдды*. Иногда Торп пользуется и третьей работой, *Gesta Danorum*, историей Дании, написанной на латыни около 1205 г. клириком Саксоном Грамматиком, некоторые разделы которой содержат сложные и отчасти искаженные варианты мифов.

В конечном разделе тома I («Краткое изложение германской мифологии») и в томах II и III Торп обращается к весьма отличной и куда более современной форме исторического свидетельства, которую именует «народными преданиями и суевериями» – он или не знал нового для того времени английского слова «фольклор», вошедшего в употребление всего за три года до появления его книги, или предпочитал не пользоваться им. Полагаясь на материалы, собранные и опубликованные учеными Скандинавии и континента, он переводит и комментирует многочисленные краткие, но яркие сельские легенды, связанные со столкновениями между людьми и разного рода сверхъестественными созданиями: лесными эльфами, фейри полей и ферм, подменышами, горными великанами, морскими людьми, Дикой Охотой, спящим под горой королем, погребенными сокровищами и их волшебными хранителями, погружившимися на дно моря городами, драконами, оборотнями, колдунами, волшебниками, и так далее. Все это изложено в простой и очень увлекательной манере; более того, материал может показаться относительно незнакомым, поскольку в то время как ученым исследованиям нордических мифов, так и популярным пересказам (имя им легион), скандинавскому и германскому фольклору на английском языке была посвящена лишь горстка книг. По упомянутым ниже причинам народные предания этих регионов недооценивались в Британии двадцатого века: отрадно получить возможность заново ознакомиться с ними.

Тем не менее ни один из современных авторов не поставит, таким образом, в один ряд древние мифы и недавний фольклор, и вполне можно задаться вопросом, чего намеревался достичь этим Торп и что связывает воедино оба упомянутых элемента. В предисловии к оригинальному изданию он утверждает, что задумывал только том I, однако люди, чье суждение

было для него ценным, уговорили его продолжить изложение до более поздних времен. Его современники вполне поняли бы те положения, которые лежат в основе решения связывать миф с фольклором путем, проторенным *Deutsche Mythologie*, в высшей степени почтенным трудом, опубликованным в 1835 г. году Якобом Гриммом (старшим и более ученым из двоих знаменитых братьев). В этой работе Гримм воспользовался современными верованиями и сказаниями сельского фольклора в качестве свидетельств, позволяющих воссоздать общую картину давно утраченных германских мифов (немецкая мифология не располагает столь подробными древними источниками, как обе исландские Эдды); он предполагал, что большинство сверхъестественных элементов народного предания представляют собой слегка христианизированные остатки язычества. Однако Гримм ограничил свою работу странами немецкого языка (и Англией), оставив Скандинавию в стороне, как область, отличающуюся по языку и культуре. Сводя воедино фольклор в рамках своей *Нордической мифологии*, Торп делает для Скандинавии то, что Гримм сделал для Германии; в то же самое время он знакомит английского читателя с выдержками из недавно появившихся собраний.

Влияние Гримма также чувствуется в обильном использовании этимологического материала в первой части книги Торпа, которое, возможно, покажется излишним современному читателю. В наши дни за дополнительной информацией по ранним верованиям принято обращаться к археологии, а не к этимологии. Однако во времена Торпа археология практически не существовала как научная дисциплина, в то время как сравнительная филология находилась на переднем крае науки; связи между различными семействами европейских языков (и санскритом) были твердо установлены Якобом Гриммом и прочими учеными, и связи эти рассматривались как критически важные для установления расового и культурного родства. Было также показано, что имя божества часто выражало его – или ее – сущность (очевидным примером является Тор, чье имя представляет собой сокращение от *thunor*, «гром»), поэтому рассмотрение имен составило важную часть настоящей работы. И в самом деле, при составлении первого тома Торп первоначально предполагал ограничиться переводом лингвистического комментария к именам мифологических персонажей, незадолго до того опубликованным датским ученым Н. М. Петерсеном, однако, поскольку указанный комментарий «нередко возбуждал интерес к самому повествованию», он решил привести полное изложение мифов. И потому нам приходится теперь отважно продираться сквозь тернистую чащу, не сомневаясь в том, что через какую-нибудь страницу или две повествование возобновится.

В отношении интерпретации Торп придерживался руководящего принципа (разделявшегося едва ли не всеми его современниками), полагавшего, что мифы выражают трепетное восхищение людей перед физическими явлениями природы; они повествуют о земле и небе, о временах года, горах, морях, штормах, огне и так далее. Однако он предупреждает о том, что принцип этот не следует использовать слишком прямолинейно: например, валькирии, переносящие убитых в Валгаллу, представляют собой поэтическое олицетворение воинской славы героя, павшего на поле брани, а не олицетворяют собой метеоры. Он усматривает некоторое ограниченное значение в теории, которой пользовались средневековые авторы, и с том числе Снорри, утверждавшей, что герои раннего этапа национальной истории могут восприниматься последующими поколениями как боги, их войны и деяния преобразуются в мифы, однако мнение это не слишком привлекает его. Скорее Торп видит в мифологии итог размышлений о природе и жизни, включая философские и этические представления, выраженный величественным и поэтичным слогом. Он старательно подчеркивает те элементы, которые соприкасаются с доктринами высших религий, например сущность Одина как «Всеотца», возобновление и умиротворение вселенной, следующие за ее разрушением; он даже видит следы верования в «высшее Невыразимое и Всемогущее Существо», которое приводит в движение процесс творения. Это вполне согласуется с некогда широко распространенной теорией, объявлявшей политеизм вторичным явлением в истории религии, которому предшествовала эра «примитивного моно-

теизма»; в приложении к нордической религии ему приходилось полагаться на весьма натянутую интерпретацию единственного предложения, которая более не считается приемлемой.

Викторианская напыщенность Торпа плохо послужила ему в толковании мифологических шуток, в которых он видел внесенные невеждами искажения: «тривиальный и едва ли не ребяческий материал, каким могла сделаться старинная религиозная наука, вплетенная в позднейшие народные верования». Сталкиваясь с грубыми шутками, он опускал их; так, когда Локи в порядке соперничества привязал свой пенис к бороде козла, он называет этот поступок «нелепой выходкой в отношении козла» и вовсе замалчивает многочисленные сексуальные оскорбления, нанесенные Локи прочим богам и богиням. Тот факт, что находившаяся в Упсале статуя Фрейи обладала огромным фаллосом, замолчать невозможно, однако он вполне продуманно скрывается в латинской цитате из повествования Адама Бременского, упрятанной в примечания. Сексуальный аспект, столь существенный в многочисленных современных интерпретациях язычества, едва упоминается в работе Торпа.

Приведенные во II и III томах народные легенды были выбраны из-за сверхъестественного характера содержания, в предположении о том, что они свидетельствуют о неразрывности верований, сохранившихся от языческих времен. В вводной части тома II утверждается, что фольклорные гиганты, эльфы, гномы и водяные являлись персонификациями сил природы, так же как за тысячу лет до них мифологические аналоги самих этих существ, и представляли собой прямых потомков этих последних. Это вполне может оказаться истиной; общепризнано, что обращение в христианство оказало заметно меньшее воздействие на этот промежуточный разряд существ, не принадлежащих ни к богам, ни к людям, чем на культы богов. Тем не менее в народных легендах существует много такого, что отсутствует в мифологических текстах, – там нет, например, подменышей, водяных коней или блуждающих огоньков. Однако при выборе повествований Торп забрасывает свою сеть куда шире, чем требует строгий параллелизм; сопоставление с современными собраниями народных преданий различных стран свидетельствует о том, что он включил почти все типичные варианты сюжетов, связанных с встречами людей со сверхъестественным вне зависимости от того, есть ли у них явные языческие предшественники. В дополнение здесь приведены интересные разделы, посвященные народной медицине, знаниям о растениях, о погоде, рифмованным заговорам, приметам, запретам, действиям, приносящим удачу и неудачу, и так далее, а также даже некоторым связанным с временами года обычаям. Эти два тома таким образом образуют очень ценное введение к нескольким категориям германского и нордического фольклора, не столь легко доступным английскому читателю.

Изучение фольклора с самого начала часто связывалось с националистическими воззрениями; центральное положение романтизма утверждает, что крестьянство, в связи со своей близостью к природе и поэтической реакции на нее, воплощает подлинно «национальную» или «расовую» душу. И как следствие в девятнадцатом столетии часто чрезвычайно преувеличивались различия между фольклором этнических групп; такую же позицию занимали популярные авторы двадцатого века, уже невзирая на то, что сравнительные исследования выявили межнациональную общность внушительной доли преданий при минимальных региональных вариациях. Британские викторианцы прекрасно представляли, что при всей сложности раннего периода истории фольклор нашей страны восходит к различным источникам: некоторые преувеличивали вклад кельтов, другие долю германского элемента, привнесенного англосаксами и в некоторых областях подкрепленного скандинавскими поселенцами. При том, что населенные кельтами регионы, такие как Ирландия, Уэльс и Шотландское нагорье, были особенно богаты фольклором, и собиратели стремились направлять именно в них свои усилия, никто не отрицал наличия у англосаксов собственного, не заимствованного у кельтов фольклора. Однако в двадцатом столетии баланс был смещен за счет избыточного почтения к лакированной и идеализированной «кельтской традиции» при соответствующем широко распространенном

пренебрежении к германскому и нордическому преданию. Тому, конечно, существует социально-политическое объяснение: после двух мировых войн, сопровождавшихся масштабным применением нацистами мифологического и героического аспектов германского фольклора, последний вызывает ряд не вполне приемлемых ассоциаций. Однако настало время пересмотреть эту тенденцию, и книга Торпа являет собой великолепную стартовую точку для рассмотрения британских преданий в континентальном контексте.

Чтение фольклора доставляет одно великое удовольствие – приятно узнавать знакомые верования и повествования, в чуть измененной форме переходящие из страны в страну. И мы в большей степени готовы к этому явлению, чем Торп в своем 1852 году. В то время большая часть британских преданий оставалась несобранной и не напечатанной, поэтому, хотя он имел возможность заметить, что «многие из преданий и суеверий Англии и Шотландии имеют себе соответствие в Скандинавии и на севере Германии», но в качестве доказательства своей правоты мог воспользоваться лишь несколькими разбросанными параллелями, например легендой о Кузне Вейланда. Впрочем, спустя поколение-другое, фольклор в Британии сделался важной областью исследований, и хотя существенная доля энергии расходовалась на теоретические рассуждения, проводились также сбор и публикация данных. Были созданы не утратившие своего значения обзоры отдельных английских областей: *Домашние рассказы и прочие остатки традиционных преданий* С.О. Эдди (S. O. Addy, 1895), *Шропширский фольклор* Шарлотты Берн (Burne, 1883), *Фольклор Северных графств Англии и рубежа* Уильяма Гендерсона (Henderson, 1866), *Фольклор Херефордшира* Эллы Лезер (Leather, 1912) относятся к числу лучших образчиков жанра. Исследования регионов Англии продолжались и в ходе двадцатого века, добавив новую информацию к полученной ранее; следует отметить *Обычаи и фольклор Кембриджшира* Энид Портер (Enid Porter, 1969), *Фольклор Сассекса* Жаклин Симпсон (1973), *Устные народные предания Уэссекса* Кингсли Палмера (1973) и *Фольклор Лестера и Ратленда* Роя Палмера (1985). Очень ценный вклад внесла Катарина Бриггс, создавшая *Словарь Британских народных сказок* на английском языке (4 тома, 1970–1971), где перепечатано большое количество материала из более ранних книг; два тома Части В отведены тематически аранжированным местным легендам. Полезный комментарий содержится в меньшей по размеру книге Дженнифер Вествуд (Westwood), *Альбион: Путеводитель по легендарной Британии* (1985). Таким образом, ныне существует достаточное количество материала для сравнения с переведенными Торпом скандинавскими и германскими легендами, в то время как *Словарь суеверий* Оппи и Мойры Тейтем (Tatem, 1989) обеспечивает прочно документированную основу для сравнения суеверий и верований.

Многое из того, что сказано Торпом в томе I, при всей своей точности воспринимается ныне в свете несколько ограниченного и устаревшего средневикторианского подхода к изучению мифологии. Однако собранный в томах II и III материал до сих пор сохраняет свою научную значимость.

*Жаклин Симпсон,
магистр гуманитарных наук, доктор философии
Секретарь Фольклорного Общества*

Аббревиатуры и литература

Торп пользуется как *Старшей* (стихотворной) *Эддой*, так и *Младшей* (прозаической) *Эддой*, называя их соответственно *Сэмундовой Эддой* и *Эддой Снорри*. *Видение Гюльви* (*Gylfaginning*) и *Язык поэзии* (*Skáldskaparmál*) представляют собой разделы последней, а *Сага об Инглингах* (*Ynglingasaga*), еще одна работа Снорри, посвященная первым королям Норвегии, содержит некоторый мифологический материал. По собственным названиям часто цитируются входящие в состав *Старшей Эдды* поэмы, важнейшими среди которых являются *Речи Гримнира* (*Grímnismál*), где описано происхождение мира, Валгаллы, чертогов и сокровищ богов; *Перебранка Локи* (*Lokaglepsa*, теперь называемая *Lokasenna*), обмен оскорблениями между Локи и прочими богами и богинями; *Речи Вафтруднира* (*Vafþrúðismál*), состязание в мифологических познаниях между Одним и великаном; а также *Прорицание Вёльвы* (*Völuspá*), повествующее о сотворении, разрушении и возрождении мира. Часто упоминаются следующие работы (иногда в сокращении):

- Afzelius, A.A., *Swenska Folkets Sago-Häfder* (11 томов, первый – в 1844).
Asbjørnsen, P. Chr., *Norske Huldreeventyr og Folkesagn*, 1845–1848.
Faye, Andreas, *Norske Folke-Sagn*, Christiana, 1844.
Grimm, Jacob, *Deutsche Mythologie*, 1835 (2nd ed. 1844); обычно «Grimm D.M.».
Grimm, Jacob and Wilhelm, *Kinder- und Hausmärchen*, 1st ed. 1812–1815; обычно «Grimm K. and H. M.». Эта работа известна английскому читателю как *Сказки Братьев Гримм*.
Grimm, Jacob and Wilhelm, *Deutsche Sagen*, Berlin 1816–1818; обычно «Grimm D.S.».
Keightley, T., *The Fairy Mythology*, London 1828.
Keyser, R., *Nordmaendenes Religionsforfatning i Hedendommen*, 1847.
Kuhn and Schwartz, *Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche*, Leipzig, 1848.
Magnusen, Finn, *Priscaae Veterum Borealiu Mythologiae Lexicon*. 1828; обычно «Lex Myth».
Mullenhof, *Sagen, Märchen, und Lieder der Herzogthümer Schleswig, Holstein und Lauenburg*, Kiel, 1845.
Müller, W., *Geschichte und Systeme der altdeutschen Religion*, 1844.
Petersen, N. M., *Nordisk Mythologi*, Copenhagen 1849.
Saxo Grammaticus, *Gesta Danorum* (1202).
Thiele, J. M., *Danske Folkesagn*, Copenhagen, 1818–1823.
Wolf, P., *Niederländische Sagen*, Leipzig, 1843.

Дополнительное чтение

Мифология и героические легенды

- Davidson, H. R. E., *Scandinavian Mythology*, 1982.
Davidson, H. R. E., *Viking and Norse Mythology*, 1996.
Faulkes, A., *Snorri Sturluson: Edda*, London, 1987.
Finch, R. G., *The Saga of the Volsungs*, Edinburgh and London, 1965.
Page, R. I., *Norse Myths*, London, 1990.
Saxo Grammaticus, *Gesta Danorum*, transl. Peter Fisher and H. R. E. Davidson, London, 1979.
Stallybrass, J. S., *Teutonic Mythology* (4 vols.), London, 1880–1900: репринт New York, Dover eds. 1966. Перевод четвертого издания *Deutsche Mythologie* Якоба Гримма.
Turville-Petre, E. O. G., *Myth and Religion of the North*, London, 1964.

Народные легенды

- Christiansen, R. Th., *Folktales of Norway*, London, 1964.
Kvideland, R., and Sehmsdorf, H. K., *Scandinavian Folk Belief and Legend*, Minneapolis and Oxford, 1988.
Lindow, J., *Swedish Legends and Folktales*, Berkeley and London, 1978.
Simpson, J., *Icelandic Folktales and Legends*, London, 1972.
Simpson, J., *Scandinavian Folktales*, London, 1980.
Simpson, J., The Danish Legends of E. T. Kristensen (в печати).
Ward, D., ред. и перевод, *The German Legends of the Brothers Grimm* (2 vols.), London, 1981.
Перевод *Deutsche Sagen* братьев Гримм с полным комментарием.
West, J., *Faroese Folktales and Legends*, Lerwick, 1980.

Предисловие

ИСТИННО ДОСТОЧИМОМУ ФРЭНСИСУ, ГРАФУ
ЭЛЛЕСМИРУ, ВИКОНТУ БРЕКЛИ, ДАНЬ УВАЖЕНИЯ ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Северная литература и, в частности, та часть ее, которая связана с ранними временами и древностями Скандинавии и севера Германии, недавно сделали предметом растущего интереса во многих частях Европы, и мне пришло в голову, что доступная и не слишком объемистая работа, касающаяся древней мифологии и основных мифологических преданий этих стран, может показаться полезной и занимательной не только знатокам северной культуры и англичанам, путешествующим по этим интересным краям, но и английскому антиквару, – учитывая неразрывную связь между язычеством германских народов континента и наших собственных саксонских предков, явные следы которой обнаруживаются в работах наших ранних хронистов и поэтов. Указанное побуждение и заставило меня предпринять настоящую работу.

Первая, чисто мифологическая, часть первоначально должна была состоять из перевода *Asalaere* копенгагенского профессора Н. М. Петерсена, однако после сравнения нескольких мифов¹ в изложении этой работы с текстами обеих *Эдд*, кажется, что краткость, достигнутая профессором Петерсеном, которую он, вне сомнения, находил необходимой для своего предмета², достаточно часто наносила ущерб целям повествования, и я решил, следуя плану *Asalaere*, обратиться к самим *Эддам*, и представить несколько сказок или мифов без сокращений, во всей полноте, какими они появляются в этих авторитетных источниках.

Интерпретация этих мифов, образующая вторую часть первого тома, за малыми исключениями заимствована из труда профессора Петерсена, хотя и существенно сокращена, в особенности в своей этимологической части, которая, будучи приведенной целиком, безусловно, показалась бы нудной большинству читателей в этой стране, и тем более потому, что внушительная доля его по необходимости основана на догадках; от коего недостатка, по моим опасениям, не свободна и настоящая работа. Учитывая это, мною было отдано предпочтение толкованиям профессора Петерсена в том виде, в котором они содержатся в *Asalaere* и в его последующих ценных работах на ту же самую тему³, поскольку они, по крайней мере с моей точки зрения, ближе всего соответствуют наиболее вероятной картине, чем все прочие, с которыми я знаком; хотя и выражают, быть может, слишком точное следование мифологической теории, с которой я уже выразил свое несогласие. Полезные справки неоднократно удавалось мне почерпнуть и из небольшой, но ценной работы профессора Кейзера из Христиании⁴.

Загадочная природа многих нордических мифов является прискорбным фактом; вполне вероятно, что не менее темными были они и для самих северных язычников, чьи предки, как можно вполне разумно предположить, принесли свой не слишком объемистый багаж тайного знания с гор Центральной Азии в поселения нынешней Скандинавии. Отчасти эта невразумительность может быть объяснена той формой, в которой они сохранялись; поскольку даже в *Сэмундовой Эдде*, их древнейшем источнике, они появляются в одеянии, заставляющем предполагать, что целостность мифа временами приносилась в жертву последовательности и законченности поэмы; в то время как в более поздней *Эдде Снорри* их искажение становится по крайней мере в нескольких местах очевидным, и некоторые из них приобретают облик вопиющей нелепицы⁵; причем обстоятельство это, быть может, хотя бы отчасти можно приписать ревности и сообразительности христианских миссионеров и первых среди неопитов, которые вполне разумным образом видели в осмеивании один из самых эффективных методов борьбы с язычеством, еще владевшим народными массами.

Однако мифам Одиновой веры было суждено подвергнуться еще большему ниспровержению – их следующему и окончательному падению в разряд средневековых рассказов и детских сказок, сделавшему их едва узнаваемыми в новой одежде. Несколько примеров подобной метаморфозы можно обнаружить и в настоящей работе, еще большее количество их присутствует в народных сказках Скандинавии, Германии, Нидерландов и Италии⁶.

Однако, кроме упомянутых преданий и суеверий, обладая равной, если не большей древностью, существуют многие, которые не могут быть связаны с тем, что нам известно об Одиической вере. И их вполне разумным образом можно соотнести с остатками мифологии финнов и других примитивных обитателей Скандинавии, загнанных на Крайний Север или в горы Одином и его последователями, в ком и в потомках их мы видим великанов (*jotnar*, *jaetter*, *jutuler* и др.), а также гномов и эльфов, которыми суеверия более поздних времен населили леса, холмы, реки и горные пещеры Севера.

До сих пор я говорил только о мифологии и ранних преданиях трех северных королевств, которыми первоначально и намеревался ограничиться, однако по предложению весьма уважаемого мной человека мне пришлось продолжить свой труд, добавив к нему подборку основных более поздних преданий и суеверий Скандинавии, Северной Германии и Нидерландов, таким образом представив читателю обзор германской мифологии и народных верований от севера Норвегии до Бельгии и от самых ранних времен до настоящего времени. Для многих – если моя книга, в отличие от предшествовавших ей, попадет во многие руки, – эта часть, быть может, сделается наиболее интересной, поскольку она предоставляет материал для сравнения с народными суевериями и традициями нашей родной страны, среди которых будет обнаружено существенное количество близких параллелей. Тема эта не оставит равнодушным этнографа, и даже средний читатель ощутит удивление, осознав существенное сходство, а часто и полную идентичность преданий и суеверий столь удаленных друг от друга стран, казалось бы, лишенных тесной связи между собой. То, что многие предания и суеверия Англии и Шотландии имеют свои соответствия в Скандинавии и на севере Германии, можно без особого труда связать с постоянным взаимодействием нескольких стран в качестве друзей или врагов; однако, когда предание обнаруживается на Крайнем Севере континента и аналогичное ему присутствует не только на юге Германии, но и на юге Франции, и отмечено даже в Неаполе, какая теория миграций народов может объяснить этот феномен? Тем не менее с определенной уверенностью можно сделать только один вывод – о великой древности многих из этих легенд, причем некоторые из них восходят к еврейским и индийским источникам⁷.

В порядке введения к материалам, содержащимся в третьем томе, я дал в находящемся в конце этого тома Приложении краткий очерк старинной германской мифологии, воспользовавшись в основном работой Вильяма Мюллера⁸ по старой германской мифологии, с учетом ее отличия от скандинавской.

Из огромного числа преданий, упоминаемых в отмеченных мною работах, я выбрал в основном те, которые проистекают из старой северной мифологии или по меньшей мере из старинной мифологии как таковой, поскольку многие из сверхъестественных созданий, о которых мы читаем в преданиях трех северных королевств, не присутствуют в Одиической системе и по всей видимости никогда не были связаны с ней; однако, как мы уже говорили, представляли собой божества тех ранних народов, которые, как нетрудно предположить, путем браков со своими готскими завоевателями и постепенным возвращением в свой древний дом оказали не меньшее воздействие на народные массы. Этим и объясняется последующее признание этих фигур поздним населением как объектов поклонения или суеверного ужаса.

Чтобы по возможности облегчить среднему читателю восприятие *Нордической мифологии*, тексты из *Эдд* и саг обыкновенно приводятся далее в буквальном английском переводе.

Поэтические отрывки приводятся в аллитерации, смиренно пытающейся симитировать оригиналы.

По отношению к орфографии, принятой в *Мифологии*, можно отметить, что в наиболее часто встречающихся именах присущее старонорвежскому окончание *r* (*n*) именительного падежа мужского (иногда женского) рода в соответствии с принятым обычаем опускается; а старые *th*, *dh* обыкновенно заменяются *d*: так вместо *Freyr* пишется *Freu*, вместо *Odinn* – *Odin*, вместо *Brynhildr* – *Brynhild*. Шведское (а в древности также датское) *a* и его датский эквивалент *aa* произносятся как *a* в слове *warm*, или *oa* в слове *broad*. Произношение достаточно напоминает германское, *j* произносится как английское *y*, а *g* перед *i* и *e* всегда твердое, как в *give*, *get* и других английских словах англо-саксонского происхождения.

Бенджамин Торп

Том I. Северная мифология с пояснениями

Введение

Всякий, кто оглядывается на свою прошлую жизнь, видит ее скорее через приукрашивающее стекло фантазии, чем в верном зеркале памяти; и такое положение тем вернее, чем дальше в прошлое отодвигается ретроспектива, чем больше растворяется она в расплывчатых, не имеющих четкого контура образах, чем ближе придвигается она к самым ранним детским воспоминаниям, – в общем, чем более стремимся мы придать новую жизнь старым и наполовину забытым воспоминаниям. И тогда один-единственный случай, который на самом деле мог иметь совершенно ординарный характер, вдруг превращается в удивительное событие, сердце бьется, и возникшая из душевного мира память об утраченном счастье создает мечту, состояние, которое вне зависимости от человека как бы не существует, но все-таки глубоко гнездится в его душе. То же самое чувство присуще и народам в целом; они также рисуют радужными красками собственное младенчество; чем меньше у народа сохранилось преданий, тем больше люди приукрашивают их; чем менее правдоподобны эти предания, тем более расцвечены они одолженным фантазией блеском, тем более будут чтить их в своем тщеславии люди, облагораживать и передавать из поколения в поколения в последующие века. Честолюбие человека двояко: он не только хочет остаться в памяти потомков; ему хочется обитать и в веках давно прошедших; он смотрит не только внутрь себя, но и назад, и ни один народ на земле не остается безразличным к надуманной чести иметь возможность возвести свое происхождение к богам, объявить себя подданным древней расы.

И тот, кто берется обрисовывать состояние народа в древние времена, берет на себя трудное дело. Он разделяет со всеми своими предшественниками общее чувство, в соответствии с которым ушедшее привлекает к себе тем, что его нет, сама тьма слепит его своей чернотой, те, кто мог бы повести его, оказываются слепцами... те же, кто скитался в этой земле до него, чаще всего, вне сомнения, проходили другими путями.

Любое изучение внутреннего состояния народа непременно должно обратиться к трем пунктам: земельному, национальному и государственному устройству, но все три эти фактора столь разным образом переплетаются между собой, что исследование их должно разделиться на несколько подчиненных отраслей: начинается оно с религии как фактора, определяющего все остальные и определяемого ими. Поэтому свое исследование мы начинаем с самого сложного вопроса – общей мифологии Севера, которую мы рассмотрим в трех разделах, посвященных: 1) изложению мифов; 2) способам их интерпретации; 3) попыткам истолкования, следующим из самого мифологического материала и основанным на оригинальных источниках.

Раздел первый

Обзор Нордической мифологии начинается от сотворения мира. В начале времен на Севере существовал мир, носящий название Нифльхейм (*Niflheimr*), посреди которого располагался источник Хвергельмир, из которого текли двенадцать рек⁹. В южной части располагался другой мир, Муспельхейм (*Muspellzheimr*)¹⁰, светлый и жаркий, пылающий и лучистый, границы которого охраняет Сурт (*Surtr*), вооруженный пылающим мечом. Холод и жара составлялись между собой. Из Нифльхейма текли ядовитые холодные потоки, носившие название Эливагар¹¹, становившиеся льдом, слой за слоем сваливавшимся в Гиннунгагап¹², обращенную к северу пропасть пропастей; однако с юга, из Муспельхейма, доносилось тепло, сверкали искры, и в южной части Гиннунгагапа было светло. Тепло соприкасалось со льдом, который таял и сочился водой; капли, силой посылавшего жар, обретали жизнь, так обрел человеческий облик Имир¹³, предок инеистых великанов (*Hrímthursar*), которого инеистые великаны звали Аургельмиром, то есть древней грудой или хаосом. Он не был богом, но был злым, как все его племя. Тогда не существовало еще ни песка, и ни моря, ни его холодных волн, не было земли, травы и свода небесного, и существовала только Мировая Бездна Гиннунгагап. Имир питался четырьмя потоками молока, исходившими из вымени коровы Аудумлы, существа, обретшего бытие силой Сурта. Имир породил отпрысков: когда он вспотел во сне, под левой рукой его выросли мужчина и женщина, а одна из его ног вместе с другою родила сына. В то время, прежде чем начали быть небо и земля, Всеотец (*Al-födr*) пребывал среди grimтурсаров, или инеистых великанов.

Корова Аудумла лизала покрытые инеем соленые камни, и в первый день, к вечеру, из них появились волосы, на второй день голова, а на третий день человек. Его звали Бури (родитель); он был пригож, высок и могуч. Его сын Бор (рожденный) был женат на Бестле (или Белсте), дочери великана Бёльторна, и у них было трое сыновей: Один (Одинн), Вили и Ве. Три брата были богами и сотворили небо и землю.

Сыны Бора убили великана Имира, и из его ран натекло столько крови, что в ней утонули все инеистые великаны, за исключением Бергельмира (отцом которого был Трудгельмир (*Thrúðgelmir*), а дедом Аургельмир), спасшегося со своей женой на ящике или ковчеге (*lúdr*) и продолжившего племя инеистых великанов. Сыновья Бора поместили тело Имира в середину Гиннунгагап и образовали из него землю, из его крови моря и потоки, из костей горы, из передних и коренных зубов и осколков костей камни и скалы; кровь из ран Имира стала окружающей землю великим и непреодолимым океаном, в который они поместили ее; из черепа великана они сделали небеса и поставили их над землей на четырех углах, в каждом из которых поместили по карлику, имена которым Аустри (Восточный), Вестри (Западный), Нортри (Северный) и Сутри (Южный); из мозга сделали тяжелые тучи, из волос всякую растительность, а из бровей стену, ограждавшую от великанов Мидгард (*Midgardr*), срединную часть земли, обиталище сынов человеческих. А потом они взяли искры и тлеющие угольки, сыпавшиеся из Муспельхейма, и поместили их в небе, внизу и вверху, чтобы освещать небо и землю. Они назначили свое место в небе молнии и огненным метеорам, а другим дали волю под небом и назначили пути и тем и другим. Отсюда, «как говорят старые философы», взялось разделение по годам и дням. Затем сыны Бора подняли небесные диски, и солнце осветило холодные камни, и земля покрылась зеленью. Солнце с юга последовала¹⁴ за луной, правой своей рукой удерживая дверь небесных коней (восток); но она не знала, где жить ей, луна также не знала своей власти, звездам не было ведомо свое место. Тогда святые боги, посоветовавшись, назначили каждому свету его место, дали новой луне имя Ньюи (*Nyi*) и луне убывающей – Нити

(*Nithi*), называли утро и полдень, время предполуденное (*undern*) и вечер, чтобы дети человеческие, дети времени, могли потом считать годы.

Ночь (*Nótt*) и День (*Dagr*) принадлежали к различным племенам. Нотт из племени великанов была темна, как ее отец, великан Норви (или Нарви). Сперва она была замужем за Нагльфарри и имела от него сына по имени Ауд (*Audr*); потом мужем ее был Анар (или Онар); дочь их звалась Землей (*lörd*); наконец мужем ее стал Деллинг из племени Асов, их сыном стал День, светлый, ясный и красивый, ликом в отца. Всеотец призвал к себе Ночь и День, дал им двух коней и две колесницы и поместил на небо, чтобы они следом друг за другом за сутки объезжали землю. Ночь едет первой, конь ее зовется Гримфакси (Инеистая Грива), и пена с его удили каждое утро орошает землю росой. Он также зовется Фиорсвартнир (*Fiörsvartnir*)¹⁵. Конь, принадлежащий Дню носит имя Скинфакси (Ясная Грива), и светлая грива его освещает своими лучами небо и землю. Он также носит имена Глад (*Gladr*) и Драсул. Луна и солнце – брат и сестра друг другу; они дети Мундильфари, который за красоту назвал своего сына Мани, а дочь Соль; боги прогневались на них за такую гордыню, в гневе своем переместили брата и сестру на небо и повелели Соль править лошадьми, влекущими колесницу солнца, которое боги сделали из сыпавшихся из Муспельхейма искр, чтобы оно освещало мир. Соль была замужем за человеком по имени Глен (*Glenur, Glanur*), и в колесницу ее были впряжены кони Арвакур (внимательный) и Алсвит (проворный), на плечи которых по воле богов веет прохладный ветер, чтобы им не было жарко. Свалин (прохлада) – вот имя, которое носит щит, стоящий перед солнцем, которое иначе сжигало бы волны и горы. Мани направляет путь луны и следит за сменой Ньюи и Нити. Некогда он взял вверх с земли двух детей, Билля и Хьюки (Хвики), когда те шли от колодца Бюргир, с ведром Сэг на коромысле Симуль. Отец их носил имя Видфинн; они следуют за Мани, что можно видеть с земли. Следует также упомянуть двух волков, один из которых, носящий имя Сколь, следует за солнцем, грозя проглотить ее; другой волк, по имени Хад, сын Хродвитнира, бежит впереди солнца и хочет схватить месяц¹⁶, как и случится в конце концов. Матерью этих волков является великанша, живущая на востоке от Мидгарда, в лесу, носящем имя Ярнвид (*Jarnvid, Jarnvidr*), в котором обитают демоницы (*tröllkonur*), зовущиеся Ярнвидами (*Jarnvids, Járnvidjur*). Она родила многих сыновей-великанов, и все они имели обличье волков. Говорят, что наибольшим могуществом из этого племени обладает некий Манагарм; он насытится жизнями всех умирающих; он поглотит луну и обрызжет небо и воздух кровью. Тогда солнце померкнет, и ветры с яростным воем разнесутся во все стороны, как сказано:

Сидела старуха
в железном лесу
и породила там
Фенрира род.
Из этого рода
станет один
мерзостный тролль
похитителем солнца.
Будет он грызть
трупы людей,
кровью зальет
жилище богов;
солнце померкнет
в летнюю пору,
бури взъярятся...

Здесь и далее Прорицание Вёльвы цитируется по изданию *Младшей Эдды*, пер. О.Ф. Смирницкой. Л., 1970.)

Отец Зимы (*Vetur*) носил имя Виндсваль, Лета (*Sumar*) – Свасуд (*Svasudr*). Оба они должны править год за годом до смерти богов. В конце небес восседает великан Хресвелг в орлином облачении (*arna ham*)¹⁷. Движения крыльев его рождает пролетающий над людьми ветер.

Итак, первым были сотворены Имир и его племя, род великанов; следующими были боги, создавшие небо и землю; и только после этого, когда для них были уже готовы места обитания, были сотворены гномы и люди¹⁸.

Могучие боги Асы¹⁹ собрались на поле Ида (*Idavölfr*) в середине своего города Асгард. Там они возвели себе чертог (*hof*), в котором были седалища для всех двенадцати и самое высокое место для Всеотца; и величественный град или чертог (*havrgr*) для богинь, звавшийся Вингольф. Они построили кузницу, сделали молоты, клещи, наковальни, в общем все необходимое. Они работали по металлу, камню и дереву, однако предпочитали золото, и вся их домашняя утварь была сделана из него, отчего и век получил название Золотого. Но порядок этот в конце концов испортили женщины, пришедшие из Йотунхейма, мира великанов:

Селились асы
на Идавёлль-поле,
дома и храмы
высоко рубили,
ремесла спознали,
горны раздули,
снасти ковали,
казну и утварь,
играли в тавлеи
весело жили,
злата имели
всегда в достатке,
доколе три девы,
три великанши
к ним не явились
из Йотунхейма...

Прорицание Вёльвы, пер. В. Тихомирова)

Тогда боги принялись держать совет, сидя на своих высоких престолах. Они обдумывали, как вдохнуть жизнь в гномов, зародившихся в земной плоти, подобно червям в мертвом теле²⁰: ибо гномы сперва были сотворены²¹ и получили жизнь в трупe Имира, но теперь по воле богов получили людской разум и человеческие тела, хотя живут они в земле и камнях²². Первым из них был Модсогнир (*Módsognir*), вторым Дурин, как сказано в *Вёльсугне*: «Святые боги решили, кому создавать племя гномов из крови Имира и синих костей». Гномы племени Лофара перешли из Скального Чертога (*Salar-Steinn*) по земле (*Aurvángur*) на равнины Йоры (*Jóruvellir*)²³. Некоторые их имена связаны с подчиненными им силами природы в минеральном и растительном царствах и выражают действующую силу, которая проникает в почву, скальные жилы, в сок растений; ими производятся также холод и жара, свет и краски.

Люди обрели существование, когда трое могущественных и благих богов – Один, Хёнир и Лодур²⁴, – оставили божественное собрание ради прогулки. На земле они нашли Ясень и Вяз (Аск и Эмблу), не имевших ни сил, ни судьбы: у них не было души, чувств и крови, способности двигаться и прекрасного цвета. Один дал им душу (дыхание), Хёнир разумение, Лодур кровь и прекрасный цвет. В *Эдде Снорри* рассказывается менее обстоятельно, но наглядно, что сыны Бора (Один, Вили и Ве), прогуливаясь по морскому берегу, нашли два дерева и сделали из них людей. Первый из богов дал им душу и жизнь; второй разумение и способность двигаться; третий – облик, речь, слух и зрение. Мужчину назвали Ясенем, женщину Ивой. От этой пары произошел весь человеческий род, которому было определено жить в Мидгарде.

Земля и Небо

Круглую и плоскую землю окружает глубокий океан. Крайний предел суши, вдоль берега океана, представляет собой обиталище великанов, Йотунхейм или Утгард, от нападений которых боги изнутри отгородили Мидгард стеной из бровей Имира. В середине мира, на высочайшей его точке в Асгарде, обитают Асы, которых Всеотец Один назначил правителями, что вместе с ним правят в божьем граде и над судьбами людей. Самая большая и величественная из обитателей носит имя Гладсхейм (*Gladshheimr*); другой чертог, покрытый серебряной кровлей Валаскьялв, Один хитроумно соорудил в начале времен; со своего престола Хлидскьялв он следит за всеми мирами, ему ведомы деяния всех существ. «На южном краю мира расположен самый прекрасный сверкающий ярче солнца чертог, который носит название Гимли. Он будет стоять и тогда, когда сгинут небо и земля, добрые и праведные люди будут населять его всю вечность. Более того, говорят, что на юге, над этим, есть другое небо, носящее название Андланг, а над ним расположено третье, зовущееся Видблайн (*Vidbláinn*), на котором, как считают, расположен этот чертог; но мы верим, что сейчас в тех местах обитают лишь светлые эльфы». Другой чертог, который люди зовут Вингольв, как мы уже видели, служит местом обитания богинь. Между великанами и богами протекает река Ифтинг, никогда не покрывающаяся льдом. Из Мидгарда в Асгард ведет мост Биврёст (колеблющееся пространство), который смертные называют радугой: она состоит из трех цветов. Самое священное место или седалище богов находится возле ясеня Иггдразиль, где они ежедневно вершат суд. Иггдразиль самое большое и лучшее из деревьев; ветви его простираются надо всем миром, а верхушка поднимается выше небес. У него три корня, уходящих далеко и глубоко. Под одним из них обитает Хель, владычица мертвецов; под другим живут инеистые великаны; под третьим люди. С другой стороны, в соответствии с прозаической *Эддой*, первый корень тянется к Асам; второй к инеистым великанам, туда, где прежде была Мировая Бездна Гиннунгап, третий же стоит над Нифльхеймом, под которым находится Хвергельмир. Этот корень постоянно грызет змей Нидхёгг (*Nidhögg*). Под вторым корнем находится источник Мимира, в котором скрываются мудрость и таланты. Хозяин колодца Мимир полон мудрости, поскольку он каждое утро пьет из источника, черпая рогом Гьяллахорн. Однажды к нему пришел Всеотец и стал просить поток воды из источника, который получил, отдав за него в залог глаз; поэтому говорят, что Мимир каждое утро пьет мед с залога Всеотца. Под корнем, тянувшимся к обиталищу Асов, находится священный источник Урд (*Urdr*), возле которого боги вершат суд. Каждый день Асы едут туда по мосту Биврёст, который поэтому зовется мостом Асов (*Asbrú*). Кони Асов носят следующие имена: лучший из них Слейпнир, он принадлежит Одину и имеет восемь ног, Глад (*Gladr*), Гиллир, Глер, Скейдбримир, Силфринтоп (*Silfrintopp*), Синир, Гилс, Фалхофнир, Гулттоп (*Gulltoppr*), Леттфети. Коня Бальдра сожгли вместе с ним, а Тор приходит на место пешком, пересекая вброд реки Кормт и Ормт и два Керлауга, тогда мост Асов пламенеет, а священная вода кипит. У источника Урд, под ясенем, стоит прекрасный чертог, из которого выходят три девы, Урд, Верданди и Скульд²⁵ (прошлое, настоящее и будущее время). Их зовут Нор-

нами (*Nornir*); они вырезают на дощечке, определяют ход жизни и назначают судьбу людям. Однако кроме этих Норн есть и другие, которые присутствуют при рождении каждого ребенка, определяя его судьбу. Одни Норны принадлежат к племени богов, другие к племени эльфов, другие принадлежат к роду гномов и являются дочерьми Двалина. Норны, добрые и благие по рождению, раздают добрую судьбу, и когда людям выпадают неудачи, они объясняются действием злых Норн. Упоминаются псы Норн.

На ветвях древа Иггдразиль сидит орел, которому известно многое. Между глаз его устроился ястреб Ведурфёльнир. Вниз и вверх по древу снует белка Рататоск (Грызозуб), переносящая бранчливые слова, которыми обмениваются орел и змей Нидхёгг. Четыре оленя бегают между ветвей и обгрызают почки; имена их Даин, Двалин, Дуннейр и Дуратрор. В Хвергельмире под Иггдразилем помимо Нидхёгга водится столько змей, что назвать их не хватит никакого языка, сказано же так:

Не ведают люди,
какие невзгоды
у ясеня Иггдразиль:
корни ест Нидхёгг,
макушку олень,
ствол гибнет от гнили.
Глупцу не понять,
Сколько ползает змей
под ясенем Иггдразиль.

Норны, которые живут возле источника Урд, каждый день черпают воду из источника вместе с покрывающей берега грязью и поливают ею ясень, чтобы ветви его не гнили и не портились. Вода эта настолько священна, что все попадающее в нее становится белым, как пленка под скорлупой яйца, как сказано в *Вёлпусе*:

Ясень я знаю
по имени Иггдразиль,
ветвистый, орошенный
чистой водой.
Росы от него
на доли нисходят;
над источником Урд
зеленеет он вечно.

Роса, падающая с его ветвей на землю, зовется у людей медовой росой, и ею кормятся пчелы. Двух птиц кормят в источнике Урд: их называют лебедями, от них и пошла эта порода птиц.

Война

«Первая война в мире случилась, когда они (люди) пронзили Гульвейг копьем и сожгли ее в жилище Высокого (Одина). Трижды сжигали ее, трижды возрождалась она снова и снова, но живет она до сих пор. Когда приходит она в дом, ее называют Хейди (свет, привет) и видят в ней благосклонную «валу» или пророчицу. Она умеет укрощать волков, знает колдовство (*seidr*) и веселит злых женщин. После этого боги принялись обсуждать, следует ли им покарать это злодеяние или же принять выкуп за кровь; тогда Один метнул копье между людей

(человечества), и в мире началась война и смертоубийство. Стены града Асов оказались разрушенными. Ваны предвидели войну и поспешили выйти на поле. Издали явились Валькирии (избирательницы тех, кому суждено пасть в бою), готовые скакать к божьему народу: Скульд со щитом, Скёгуль, Гунн, Хильд, Гёндуль и Гейр-Скёгуль. Девы Одина, Валькирии, готовы по воле его мчаться в любой край земли и на каждом поле брани выбрать тех, кому суждено пасть, и определить победителя. В ореоле молний, окровавленных кольчугах, со сверкающими копьями мчатся они в воздухе над сушей и морем. Когда кони трясут гривами, в глубоких долинах выпадает роса, а в высоких лесах проходит град».

Асы и Ваны примирились и обменялись заложниками. Ваны отдали Асам в заложники Ньёрда Богатого, которого мудрые силы сотворили в Ванахейме вместе с детьми Фрейром и Фреей. Асы со своей стороны отдали Хёнира, а вместе с ним послали Мимира, за которого в ответ получили Квасира, самого благоразумного среди Ванов. Хёнир был возведен Ванам в вожди; однако на всех собраниях, на которых требовался добрый совет, Мимиру приходилось нашептывать Хёниру все, что тому следовало сказать; и в отсутствие своего советника Хёнир постоянно отвечал: «Да, а теперь обратись к другим». Посему Ваны сочли себя обманутыми, убили Мимира и отослали его голову Асам, однако Один травами и чарами добился того, что она говорила с ним и открыла много тайн.

Боги

Основных Асов двенадцать, если не считать Всеотца (*Al-födr*) или Одина, правящего на своем престоле. Один – высочайший из богов²⁶. Его зовут Всеотцом, потому что он отец всем – и богам, и людям; он также отец валькирий (*Valfater*), потому что все павшие в битве свободные люди принадлежат ему. Им, зовущимся эйнхериями, открыты Валгалла и Вингольф. Но в старом Асгарде у Одина было двенадцать имен, кроме того, у него есть и другие имена²⁷, поскольку каждый человек дает ему собственное имя²⁸. Иными словами, власть Одина на земле настолько велика и многолика, что ее можно выразить только в многообразии имен: в качестве примеров можно назвать Альда-гаутр (*Alda-gautr*)²⁹ и Альда-фёдр (*Alda-födr*), создатель и отец людей; Вера-тюр (*Vera-tyr*, бог людей); Вал-федр, *Val-födr*, отец убитых, поскольку к нему приходят все сраженные в бою; Сиг-фёдр (*Sig-födr*) или Сейер-фёдр (*Seier-födr*), отец победы; Хериан, опустошитель; Сид-хат (*Sid-hat*, *Sid-hötr*), широкая шляпа; Сид-скегг (*Sid-skeggr*), Широкая Борода; Хангагуд, Ханга-тюр (*Hängagud*, *Hänga-tyr*), бог или господин повешенных, так как считалось, что повешенные принадлежат ему³⁰. Кроме того, Один носил следующие имена:

1. Ганград (*Gangradr*, *Gagnradr*), под которым он посетил великана Вафтруднира; беседа их описана в эддической поэме *Vafdrudnismal* (*Речи Вафтруднира*), имеющей следующее содержание. Один сообщает своей жене Фригг о том, что им овладело сильное желание посетить всемудрого великана Вафтруднира, чтобы посоревноваться с ним в знании премудрости древних времен. Фригг пытается отговорить мужа от путешествия, полагая, что соперничать с Вафтрудниром не дано никому. Тогда Один напоминает ей о своих многочисленных скитаниях и перенесенных испытаниях и настаивает на своем намерении посетить жилье великана; Фригг желает ему приятного путешествия и благополучного возвращения и просит, чтобы мудрости его хватило на словесное прение. После чего Один отправляется в путь и появляется в чертоге великана в обличье путешественника, назвавшись именем Ганград (Победный). Он приветствует великана и открывает ему цель своего прихода. Вафтруднир отвечает раздраженным тоном и дает понять, что если незваный гость уступит ему в мудрости, то живым чертог не оставит. Один тогда сообщает своему противнику, что после долгого пути его мучает жажда (мудрости?) и что он нуждается в хорошем приеме, после чего великан предлагает ему сесть,

и состязание начинается. Далее великан предлагает, чтобы проигравший заплатил жизнью, и каждый из соперников гладко отвечает до того момента, когда Гангард спрашивает, что Один шепнул на ухо Бальдру, прежде чем того положили на костер. Удивленный великан ответил: «Никто не знает того, что ты шепнул в начале времен своему сыну. На свою смерть толковал я древнюю мудрость и участь богов; с Одним соревновался я, мудрым в речи: во всем ты мудрейший!» Вопросы имеют исключительно космогоническую или мифологическую природу, о чем свидетельствуют многочисленные цитаты из Речей Вафтруднира в настоящей работе.

2. Гримнир. Причина, заставившая Одина воспользоваться этим именем, становится ясной из следующего рассказа, представляющего собой прозаическое введение к эддической поэме *Grimnismál* (*Речи Гримнира*). «У конунга Хродунга (*Hrödungr*) было два сына: одного звали Агнар, другого – Гейррёд (*Geirrödr*). Агнару было десять лет, Гейррёду восемь зим. Вышли они на лодке вдвоем порыбачить – у них были свои переметы с крючками. Ветром отнесло их в море. В ночной темноте их лодка разбилась о морской берег, и они выбрались на берег, где встретили невысокого ростом селянина, у которого провели зиму. Жена селянина ходила за Агнаром, а сам он приглядывал за Гейррёдом и наделял его полезными советами. Весной старик дал им лодку, вместе с женой проводил их до берега, где долго разговаривал с Гейррёдом с глаза на глаз. Попутный ветер скоро привез их к жилищу отца. Гейррёд, сидевший на носу лодки, выскочил на берег и оттолкнул лодку в море со словами: “Плыви отсюда во власть злых духов”. Сам он вернулся в родительский дом, где его радостно встретили, и поскольку отец уже умер, сделали конунгом, после чего он сумел завоевать некоторую известность. Один и Фригг сидели на престоле Хлидскъялф, оглядывая целый мир, и тут Один сказал: “Или не видишь ты своего приемыша Агнара, который проводит время в объятиях пещерной великанши, тогда как мой приемный сын Гейррёд стал конунгом и правит над землями?” Фригг ответила: “Он настолько негостеприимен, что пытается своих гостей, если ему кажется, что их слишком много”. Один сказал, что считает ее слова огромной ложью. После сего они побились о заклад, и Один отправился в гости к Гейррёду. Фригг в то же время послала свою наперсницу Фуллу к Гейррёду – посоветовать тому быть повнимательнее с появившимся в его стране волшебником, способным погубить молодого конунга, сказав, что узнать пришельца можно по тому, что ни один пес не посмеет наброситься на него. Разговоры о негостеприимности конунга Гейррёда были всего лишь праздными толками; тем не менее он приказал схватить человека, на которого не посмеют напасть псы. Путник этот был одет в одежду из серого меха и называл себя Гримниром, однако, невзирая на все расспросы, ничего не рассказывал о себе. Чтобы вырвать признание, конунг приказал подвергнуть его пытке, поместив между двумя кострами, где пришелец просидел восемь дней. У Гейррёда был десятилетний сын, как и дядя, названный Агнаром. Мальчик этот подошел к Гримниру и подал тому полный рог питья, сказав, что отец его поступил несправедливо, приказав мучить невинного человека. К этому времени огонь успел подобраться так близко, что опалил мех на одежде Гримнира». После этого незнакомец запел мифо-космогоническую песнь, получившую название *Grimnismál*, в которой перечисляются и описываются обиталища двенадцати главных Асов, речь о которых пойдет далее. Остальная часть поэмы посвящена мифологическим темам, которые будут освещаться позже. Заканчивается повествование следующим образом: «Конунг Гейррёд сидел, положив на колени выдвинутый из ножен меч, когда услышал, что пришелец оказался Одним, и поднялся, чтобы вывести его из огня, но меч выпал из его руки, и, попытавшись перехватить оружие, он споткнулся и был пронзен клинком. Один тогда исчез, и Агнар стал править вместо отца».

3. Вегтам (неутомленный путник). Пользуясь этим именем, Один отправляется за советом относительно участи Бальдра к духу пророчицы-«валы», погребенной возле ворот царства Хель. Содержание этой поэмы приведено в настоящей работе³¹.

4. Хар, Явнхар, Тритхи (Высокий, Высший, Третий). Под этими именами Один фигурирует в *Эдде Снорри*, образуя некую северную троицу. В *Grimnismál* он прилагает все эти

имена к самому себе. Одина также звали **Хравна-гуд** (*Hrafna-gud*, бог воронов), потому что его сопровождали два ворона, Хугин и Мунин, которых он посылал на разведку по всему свету: возвращаясь из полета, они садятся к нему на плечи и рассказывают обо всем, что видели и слышали. Однако он тревожится за Хугина, опасаясь, что тот не вернется, и еще более за Мунина. Как создатель небес и земли Один правит всем: он посылает победу и богатство, красноречие и разумение, скальдическое или поэтическое искусство, мужество и попутный ветер. Как мы уже говорили, обитель Одина носит название Гладсхейм (*Gladshheimr*), чертог которой носит название Валгалла (*Valhall, Valhöll*) и сверкает золотом; в этом чертоге он ежедневно принимает павших в бою воинов. Пол чертога сделан из копий, кровля из щитов, скамьи покрыты кольчугами; перед западной дверью повешен волк, над которым парит орел. Чертог окружен ревущей рекой по имени Тунд (*Thund*)³², а перед ним находится частокол или плетень, носящий имя Валгринд. В частоколе устроено пять сотен и сорок ворот, через каждые из которых могут выйти плечом к плечу восемь сотен воинов. За воротами Валгаллы находится лес Гласир, где растут деревья с листьями из чистого золота. Пришедших к Одину с битвенных полей павших ратников называют эйнхериями, или избранными героями; они развлекают себя в чертоге бога следующим образом: вооружаются, выходят во двор, сражаются там и убивают друг друга, однако ко времени завтрака целыми и невредимыми возвращаются домой в Валгаллу, пьют пиво в компании асов и заедают его мясом вепря Сэхримнира; этого кабана каждый день варит в своем котле Элдхримнире повар Андхримнир, однако к вечеру он уже снова цел. Мед, который пьют в Валгалле, истекает из вымени козы Хейдрун (*Heithrún*), кормящейся листьями дерева Лерад (*Leradr*), поднимающегося над чертогом Одина. Этим медом наполняется столь емкий сосуд, что все эйнхерии могут утолить свою жажду. Героев обслуживают валькирии, разносящие мед и все, что нужно для трапезы. Ветви дерева Лерад объедает также олень Эйктхирнир, капли с рогов которого падают в Хвергельмир, из которого истекают многие реки, частью протекающие по обители богов, частью по миру людей и оттуда ниспадающие в Хель. Один не ест ничего, и все, что перед ним ставят, отдает своим волкам Гери и Фреки; он только пьет вино. Прислуживает ему его сын Хермод (*Hermódr*), которого он посылает с разными поручениями.

Тор или **Аса-Тор**, сын Одина и земли (*Fiörgvin*, животворящей; *Hlódyn*, согревающей)³³, является сильнейшим среди богов³⁴. Он правит в стране Трудванг (*Thrudvángur*) или Трудхейм (*Thrudheimr*), дом его носит имя Билскирнир (*Bilskirnir*), и у него пять сотен и сорок дверей. Это самый большой известный людям дом. Тора также называют Хлорриди (Огненный возница или ездок), Винг Тор, и т. д., иногда также Ауку-Тор, öку-Тор (Возок-Тор), поскольку он ездит в колеснице, запряженной двумя козлами Таннгниостом и Таннгрисниром. Он всегда является врагом великанов и троллей. Ему принадлежат три сокровища: 1) молот Мьёлнир, прекрасно известный по горькому опыту инеистым и горным великанам; 2) пояс власти Мегингьярдар (*Megingjardar*), удваивающий силы препоясанного им Тора; 3) железные рукавицы, в которых он берется за рукоять Мьёлнира. Если павшие в битве ярлы (знатные люди, откуда английское слово *earl*, граф) принадлежат Одину, трэлы подобным образом находятся во власти Тора. Сыновей Тора зовут Магни и Модри. Жена Сив родила ему дочь по имени Труд (*Thrúdr*). Кроме того, он усыновил Вингнира (*Vingnir*) и Хлору (*Hlora*). В путешествиях Тору сопутствуют Тьялви и Рёсква³⁵.

Бальдр является вторым сыном Одина (от Фригг); он лучший, и все хвалят его. Он так прекрасен и ясен, что от него исходит свет, и самое белое из растений сравнивают с челом Бальдра³⁶, давая таким образом представление о белизне его волос и лица. Он самый мудрый, красноречивый и дружелюбный среди Асов, и настолько одарен от природы, что никто

не может исказить его суждения. Он обитает на небе, в месте, носящем название Брейдаблик, куда не может вступить ничто нечистое.

Короткое стихотворение на древневерхненемецком языке, датированное девятым или десятым веком, было открыто в Мерзебурге доктором Вайтцем и опубликовано доктором Я. Гриммом; стихотворение посвящено коню Фолю (*Phol*), которого Гримм с большой степенью вероятности отождествляет с Бальдром. Упоминаемый в нем эпизод отсутствует в обоих *Эддах*, хотя самое предание, как можно увидеть, присутствовало, и возможно, еще не забыто не только на Севере и в Нидерландах, но и на нашем острове, и я без всяких колебаний привожу стихотворение вместе с его современным пересказом.

Phol endi Wôdan

Фоль и Воден

vuorun zi holza:

отправились в лес;

du wart demo Balderes volon

тогда случилось, что Бальдров конь

sîn vuoꝥ birenkit;

вывихнул ногу;

thu biguoleil Sinthgunt,

тогда Синтгунт заворожила ее,

Sunnâ era suister;

и Сунна ее сестра;

thu biguolen Frûâ,

тогда Фруа заворожила ее,

Vollâ era suister

И Волла ее сестра;

thu biguolen Wôdan,

тогда Воден заворожил ее,

so he wola conda,

как мог сделать,

sôse bénrenki,

как вывих,

sôse bluotrenki,

как кровавую рану,

sôse lidirenki;

как растяжение;

ben zi bêna,
кость к кости,

bluot zi bluoda,
кровь к крови,

lid zi geliden,
сустав к суставу,

sôse gelimida sîn.
как если они были склеены вместе.

В приведенной ниже христианизированной форме тот же эпизод присутствует в Норвегии:

В книге P. Chr. Asbjørnsen, *Norske Huldreeventyr og Folkesagn*, 1845–1888, i, p. 45, старая норвежка лечит растянутую лодыжку молодого человека, словно ногу коня, бормоча следующий заговор над чаркой бренди:

esus reed sig til Heede,
Иисус ехал на пустошь,

der reed han syndt (sönder) sit Folebeen.
Там нога коня его переломилась пополам.

Jesus stigede af og laegte det;
Иисус спешился и исцелил ее;

Jesus lagde Marv i Marv,
Иисус положил костный мозг к костному мозгу,

Ben i Ben, Kjöd i Kjöd;
Кость к кости, плоть к плоти;

Jesus lagde derpaa et Blad,
Иисус положил на нее лист,

At det skulde blive i samme stad.
Чтобы оставалась на месте.

Jeg red mig engang igjennem et Led,
Однажды я ехал через ворота,

Saa fik min sorte Fole Vred;
Когда мой вороной конь растянул ногу;

Saa satte jeg Kjöd mod Kjöd og
Тогда я приставил плоть к плоти и кровь

Blod mod Blod,
к крови,

Saa blev min sorte Fole god.
И мой вороной выздоровел.

Из Норвегии этот метод ветеринарного лечения, вероятно, перекочевал на Шетландские острова, где в случае какого-либо растяжения принято обращаться к ворожее, умеющей налагать «выворотную нить». Нитка эта прядется из черной шерсти, на ней завязывается девять узлов, она обматывается вокруг поврежденной руки или ноги. Обматывая нитку вокруг поврежденной конечности, знахарь, так чтобы не было слышно ни окружающим, ни самому пациенту, шепчет:

Ехал Господь,
Поставил сустав к суставу,

И конь поскользнулся;
Кость к кости,

Он спешился.
И жилу к жиле.

И он вылечил;
Исцелись во имя Святого Духа!

В Швеции против конского заболевания «флог» пользуются следующим заговором:

Oden står på borget,
Один стоит на горе,

han spørger efter sin fole,
Он спрашивает о своем коне,

floget har han fått.
У того «флог».

Spotta i din hand och i hans mun,
Плюнь на ладонь и помажь его рот,

han skall få bot i samma stund.
Он исцелится в тот же час.

См. Якоб Гримм, *Ueber zwei entdeckte Gedichte aus der Zeit des Deutschen Heidenthums*, Berlin, 1842, 4to и Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 1181; также Robert Chambers, *Popular Rhymes, &c. of Scotland*, p. 37, Edinburgh, 1842. Аналогичной формулой пользовались в Нидерландах, однако Гримм не сумел привести ее. Попытка редактора настоящего издания найти ее в Бельгии также окончилась неудачей.

Третьим среди асов является **Ньёрд** (*Njördr*). Он живет в Ноатуне. Ньёрд правит ветром, успокаивает разбушевавшийся океан и гасит огонь. Его призывают мореходы и рыбаки, он – покровитель храмов и алтарей. Он настолько богат, что может в изобилии наделить богатством тех, кто поклоняется ему. Ньёрд, как мы уже говорили, родился и вырос в Ванахейме³⁷.

Фрейр (*Freyr*), сын Ньёрда и его сестры³⁸, также родился в Ванахейме. Его любят все, он – один из самых знаменитых асов. Он правит дождем, солнечным светом и плодами земли. У него следует просить добрых времен года и мира. Он также властвует над людским богатством. Фрейр является богом года и подателем скота, он ослабляет узы пленников. В начале времен боги отдали ему «на зубок» Альвхейм (Эльфхейм), страну эльфов. Он правит Светлыми Эльфами (*Liósálfar*), более прекрасными, чем солнце, а Черные или Темные Эльфы (*Dökkálfar*), которые с виду черней смолы, обитают в недрах земли.

Альвы или эльфы нового времени представляют собой нечто среднее между светлыми и темными эльфами. Они прекрасны и полны жизни, однако злы и проказливы. В некоторых местах Норвегии крестьяне описывают их как крохотных голеньких мальчишек с колпачками на головах. Оставленные их ногами во время танцев следы иногда можно видеть на мокрой траве, и в особенности на берегах рек. Дыхание их вредно, зовется *alfgust* или *elfblaest*, и вызывает отеки, нарывы, которые можно легко заработать, слишком приблизившись к тем местам, на которых остались их плевки и др. Они склонны предпочитать определенные места, особенно высокие деревья, которые в таком случае людям лучше не трогать, а считать священными, отчего зависят процветание или разорение дома. Распространение некоторых болезней домашних животных приписывается воздействию эльфов, и такие болезни поэтому зовутся *alf-ild* (эльфов огонь) или *alfskud* (эльфов прострел). Темных эльфов (*Döck-álfar*) часто путают с гномами, с которыми они действительно крайне похожи, хотя в песне Ворона Одина те и другие различаются. Норвежцы различают гномов и эльфов по следующему признаку: первые, по их мнению, живут спокойно и солидно, в то время как последние любят музыку и танцы. (Faye, op. cit., p. 48.)

Фейри (эльфы) Шотландии практически неотличимы от упомянутых выше. Их называют племенем капризных и проказливых крохотных существ смешанного или сомнительного происхождения. Они обитают в зеленых холмах, чаще имеющих коническую форму и по-гэльски называющихся *Sighan*, на которых танцуют при лунном свете, оставляя на поверхности круговые отметины, иногда желтые и вытопанные, а иногда ярко-зеленые, в которых опасно уснуть или даже оказаться после рассвета. Внезапно заболевший судорогами или другой болезнью скот, как говорят в народе, получает эльфов прострел». (Скотт, *Minstrelsy of the Scottish Border*, 1821, ii, p. 162.)

О шведских эльфах Арндт пишет следующим образом: «О великанах и гномах, об альвах, о драконах, стерегущих сокровища, они рассказывают обычные повести, не забыты и благие эльфы. Как часто мой почтальон, замечая круги на росистой траве, восклицал: “Смотри! Здесь танцевали эльфы!” О плясках эльфов много говорят за пряжей. Тот, кто в полночь оказался внутри такого круга, может увидеть эльфов, и может тогда учинять над ними всякие шутки; хотя в основном они представляют собой невысокие ростом, веселые и безвредные создания обоих полов, мужского и женского. Они часто сидят в небольших, выложенных кругами камнях, зовущихся *älfquarnar* (эльфовы ручные мельницы или милевые камни). Голоса их тихи, как дуновение воздуха. Если в лесу слышен громкий крик, это голос *Скогсра* (*Skogsrå*) (см. том. ii), или духа леса, при сем нужно ответить ему “Хе!”, после чего он не причинит тебе вреда». (*Reise durch Schweden*, iii, p. 16.)

Как сказано в англосаксонском заклинании, эльфов прострел был известен в нашей стране в незапамятные времена (см. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 1192 и в прило-

жении к Кембловым *Саксам в Англии* (i, p. 530 sq.): «Gif hit wære esagescot, odde hit wære ylfa gescot, *Если был это асов или эльфов прострел*». По этому поводу Гримм говорит: «Очень старое верование утверждает, что эльфы мечут опасные стрелы из воздуха... Молния также зовется эльфовой стрелой, а в Шотландии твердый и острый клиновидный камень носит названия эльфовой стрелы, эльфо́ва кремня, эльфовой стрелки, тем самым предполагая, что он был послан духами». (Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 429.) В старой датской балладе «*Elveskud*» дочь короля эльфов поражает сэра Олафа между лопаток, вызывая тем самым его смерть. (*Danske Viser*, i, p. 237; или английский перевод в *Балладах* Джеймсона, i, p. 219.)

Жены эльфов носят имя «*elliser*». Их можно увидеть только в ясную погоду и притом в «эльфьих болотах», в особенности там, где кто-нибудь расстался с жизнью в результате несчастного случая. Там они иногда разбрасывают сено, иногда танцуют. Лицом они кажутся прекрасными женщинами, однако сзади искалечены и уродливы или же, как говорят, «полны словно квашня». (Thiele, op. cit., i, pp. 22, 167; ii, p. 213.)

Яму в лесу, в которой был knot, в Шотландии называют эльфовой дырой. Аналогичное верование бытует в Дании и Норвегии.

Авзелиус сообщает нам, что алтари эльфов до сих пор существуют в Швеции, и на них делают приношения за больных. Эльфы изящны и стройны, особенно хороши молодые эльфийки. Если летним вечером путник приляжет отдохнуть на эльфовом холме (*älfwehög*), он может услышать звуки их арф и их веселые песни. Если эльфийка хочет выйти замуж за человека, она вместе с солнечным лучом пролетает сквозь какое-нибудь отверстие, например дыру в деревянной обшивке стен, и др. (Afzelius, op. cit., ii, pp. 150, 155.)

Фрейр – враг и убийца Бели; владелец корабля Скидбладнир, он ездит в колеснице, влекомой свиньей Гуллинбурсти (Золотая Щетинка) или Слидругтанни³⁹. Помощника Фрейра зовут Скирнир; кроме того, ему прислуживают также Бейгтвир и его жена Бейла. Шведы почитали Фрейра особенным образом⁴⁰.

Следует также отметить, что у Форниота (*Forniot*) (старый ютландский) есть три сына, а именно Эгир или Хлер⁴¹ (*Hlèr*), бог океана; Логи⁴² (пламя или огонь) и Кари (ветер). Жену Эгира зовут Ран; у них девять дочерей, имена которых обозначают волны. Служат ему Фимaffenг (*Fimafeng*) (*dextre, celeriter acquirens* – лат. ловко, быстро добывающий), убитый Локой (*Lokia*), и Элдир. Ран забирает к себе тех, кто погиб на море. Божества эти, похоже, принадлежали к более старой мифологии, вероятнее всего финской⁴³.

Тю или **Тюр** является самым отважным и крепким среди Асов. Он посылает победу в войне, и его надлежит призывать воинам. Пословица сравнивает с Тю превосходящего всех прочих воинской доблестью человека. Бог этот был также настолько мудр, что мудрецов часто сравнивали с Тю. Однако его не считают склонным к улаживанию ссор между людьми. Один является его отцом⁴⁴, но по матери он принадлежит к племени великанов⁴⁵.

Браги также относится к числу Асов. Он знаменит мудростью и красноречием, обладает глубочайшим поэтическим искусством, по его имени получившим название *bragr*, и те, кто превзошел прочих в красноречии, получают наименование брагра или брагры. Локи поносит его за недостаточные воинственность и отвагу в бою. Браги носит длинную бороду, он – сын Одина.

Хеймдалль, хотя его и считают ваном, тем не менее зовется сыном Одина. Его также зовут Белым или Светлым Богом, он велик и свят. Хеймдалль родился в начале времен, на краю земли, сразу от девятирех сестер-великанш, и был выкормлен силой земли и холодного моря. Вот имена этих девятирех дев: Гьялп, Грейп, Элгия, Ангя, Ульфрун, Аургьяфа, Син-

дур, Атла и Ярнсакса. Хеймдалль пьет мед в своем светлом чертоге Химинбьёрг, находящемся возле моста Биврёст, у самой его оконечности (*brúarspödr*), там, где радуга касается небес. В качестве дозорного богов он находится на самом краю небес и охраняет мост от горных великанов, причем его часто мочит дождь, или, как выразился Локи, ему приходится ходить с мокрой спиной. Спит он меньше чем птичка и ночью и днем слышит, как растут трава на земле и шерсть на овцах на сотню миль вокруг. Рог его Гьёлл (Гьяллахорн) спрятан под священным деревом Иггдразиль, но когда Хеймдалль дует в него, звук разносится по всем мирам. Конь Хеймдалля носит имя Гуллотп (Золотая Грива). Его самого также называют Халлинскейди (Нисходящим) и Гуллитанни (Золотозубым), потому что зубы его из чистого золота. Голова носит имя Хеймдаллева Меча, поскольку когда-то его пронзили головой человека⁴⁶. Он соперничал с Локи в борьбе за Брисингамен, ожерелье Фрейи.

К асам также принадлежит Хёд (Хёдур), как рассказывают, являющийся сыном Одина. Он слеп, но чрезвычайно силен. Богам не угодно даже слышать его имя, поскольку совершенное им деяние долго не изгладится из памяти богов и людей⁴⁷.

Видара зовут молчаливым богом. Он – сын Одина и великанши Грид (*Gridr*). Его обувь очень толста, потому что от начала времен к ней прикладываются все тонкие обрезки, которые остаются при изготовлении башмаков: поэтому всякий, кто хочет помочь асам, должен выбрасывать такие обрезки⁴⁸. В других местах его башмаки называются *железными*, и Скальды зовут его *eiganda iarnskoss* (владелец железных башмаков): среди богов он самый сильный после Тора и помогает им в различных трудностях. Обитель его Ландвиди (Ландвити) густо заросла кустарником и высокой травой.

Имя **Вали** носит сын Одина и Ринд. Упорный в битве, он является превосходным стрелком.

Улль (*Ullr*) является сыном Сив и приемным сыном Тора. Он – отменный стрелок и так быстро бежит на лыжах, что его никто не может догнать. Он пригож и воинственен. Его хорошо призывать на помощь в поединке. Обитель его называется Идаль (Идалир).

Форсети, сын Бальдра и Нанны⁴⁹, дочери Нева (Непа), обитает в небесном чертоге, зовущемся Глитнир, стены его из золота, а крыша из серебра. Он улаживает все раздоры, и ни боги, ни люди не знают лучшего судьи, чем Форсети.

Локи (Аса-Локи или Лопт) относится к числу асов и считается поносителем богов, позором для них и людей. Отец его – великан Фарбаути; мать – Лаувейя (лесистый остров), или Нâль (игла), братья его носят имена Бюлейст и Хельблинди⁵⁰. Он пригож, но зол и очень капризен. Среди прочих он выделялся коварством и хитроумием, и часто вовлекал асов в опасные ситуации, из которых выручал их своей изворотливостью. Жена его зовется Сигюн, а сыновья носят имена Нар и Нарви, и Вали или Али. Однако у Локи были другие дети от Ангурбоды, великанши из Йотунхейма: волк Фенрир, Ёрмундганд или Змей Мидгарда, и Хель, богиня мертвых. В начале времен Один и Локи были побратимами; они смешали свою кровь, и поэтому Один никогда не пировал, если при этом не присутствовал Локи. Однако потом Локи был низвержен на землю, где провел восемь лет в облике коровы и женщины и рождал при этом детей. Иссохнув нутром (умом), Локи нашел полуобожженное сердце женщины; после этого он стал лживым и злым, отсюда и пошли все несчастья на земле.

Нам встречаются также имена Мейли, сына Одина и брата Тора; Непа или Нева (*Nepr*, *Nefir*), сына Одина, и отца Нанны; а также Хильдольфа, сына Одина.

Богини

Верховной богиней является **Фригг**, жена Одина⁵¹. Племя асов происходит от них обоих. Обитель ее именуется Фенсалир. Ей известны судьбы людей, хотя она помалкивает о будущем. Во время отсутствия Одина она выходила замуж за его братьев Вили и Ве⁵². Её называют дочерью Фьёргюн, мачехой Нанны, и соперницей Земли, Ринд, Гунлод и Герд. У нее есть одежда из перьев или соколиное оперение. Она является богиней брака.

Равным почитанием окружена **Фрейя**, дочь Ньёрда и сестра Фрейра. По происхождению ее зовут Вана-дис или богиней ванов. Она обитает в Фолкванге, палаты ее носят имя Сессримнир (просторно седалищные), и когда она едет на битву, одна половина усопших достается ей, а другая Одину; отсюда ее прозвание Валфрейя. Она обожает любовные песни, ей молятся об успехе в любовных делах. Повозку ее увлекают две кошки. Ей принадлежит ожерелье, носящее название Брисинг или Брисинга-мен.

В *Saga Olafs Tryggvasonar* (том ii, гл. 17), изданной Skalholt и перепечатанной в произведенном Раском издании *Старшей Эдды*, р. 354), в несколько неловкой манере изложена история о том, как Фрейя получила это ожерелье. Фрейя, как утверждают, была любовницей Одина. Неподалеку от дворца обитали четыре гнома, которых звали Альфриг, Двалин, Берлинг и Грер: они были искусными кузнецами. Заглянув однажды в их каменное жилище, Фрейя увидела, как они трудятся над прекрасным золотым ожерельем или оплечьем, которое она захотела купить, однако гномы не захотели с ним расстаться, кроме как ценой ее неверности Одину, на что она тем не менее согласилась. Таким образом украшение перешло к ней. По какой-то причине сведения об этом обмене попали к Локи, который поведал обо всем Одину. Тот приказал Локи добыть ожерелье. Задание оказалось нелегким, поскольку войти в жилище Фрейи без ее согласия было невозможно. Локи с причитаниями отправился прочь, однако многие были рады видеть его в подобном унижении. Потом он явился к запертым палатам и, не сумев найти вход, стал дрожать, поскольку погода была холодной. После этого он превратил себя в муху и попытался проникнуть во все попадавшиеся отверстия, но безуспешно; нигде не было достаточно воздуха, чтобы он мог пробраться внутрь (Локи необходим воздух). Наконец он обнаружил крохотную, с булавочный укол, дырочку в крыше и проскользнул сквозь нее. Попав внутрь, он огляделся, пытаясь заметить бодрствовавших, однако все спали. Оказавшись возле постели Фрейи, он увидел, что украшение находится у нее на шее, однако замок прикрыт телом, поскольку та спала на боку. Тогда Локи превратился в блоху, прыгнул на щеку Фрейи и укусил ее; та проснулась, повернулась на другой бок и вновь погрузилась в сон. После этого Локи вернул себе свой облик, осторожно снял украшение, отпер дверь и отнес свою добычу Одину. Утром, проснувшись, Фрейя увидела, что дверь открыта, хотя и не взломана, и что ожерелье ее исчезло, и немедленно поняла, в чем дело. Одевшись, она отправилась в чертог Одина, обвинила его в краже и, наконец, добилась возвращения украшения.

Повествование это, возможно, основывавшееся на каком-то забытом предании, относится уже к поре распространения христианства и не имеет большой научной ценности. Принадлежащее Фрейе ожерелье Брисингамен можно сопоставить с ὄριος и κεῶτὸς Венеры. В Беовульфе упоминается принадлежавший Германрику «Бросингамен», однако легенда утверждает, что он более не существует. (См. издание Кембла, Vol. II. Appendix.)

Подобно Фригг, она обладает соколиным оперением, как и у Фрейра, у нее есть свинья Гуллинбурсти или Хильдсвини (свинья войны), которую сделали для нее гномы Даин и Набби, чьи золотые щетинки ярко освещают самый глухой лес. По ее имени состоятельные женщины

зовутся *фру* (датское *Frue*, германское *Frau*). Фрейя была замужем за Одом (*Odr*), и у них была дочь по имени Хнос, в честь которой все драгоценные вещи называются словом *hnosir*. Од бросил ее и удалился в дальние края: она плачет в тоске по мужу и роняет слезы червонного золота. В поисках мужа богиня скиталась среди людей⁵³. Фрейя имеет много имен, поскольку во время скитаний в каждом посещенном ею доме она называлась другим именем: так, ее называют Мардёлл, Хёрн, Гефн и Сир.

О **Нанне**, жене Бальдра, будет сказано особо.

Идун (Итхунн, Итхудр), жена Браги и дочь Ивальда, держит в своей корзинке яблоки, которые должны есть боги, когда они начинают ощущать приближение старости: тогда они снова делаются молодыми; процесс этот продлится до самой гибели богов или Рагнарёка. Обитель ее – в Бруннакре.

Сив, жена Тора и мать Улла и Труд, обладает дивными волосами⁵⁴. Лукавый Локи утверждал, что из богов лишь он один добился незаконной благосклонности Сив.

Сага живет в Сёкквабекке, за которым бормочут холодные волны. Там она вместе с Одином ежедневно наслаждается питьем из золотых чаш.

Девственнице **Гевьон**⁵⁵ служат умершие девы. Ей известны решения судьбы – так же как и самому Одину. Локи попрекает ее увлечением прекрасным юношей, подарившим ей ожерелье, и тем, что она уступила его домогательствам.

Эйр – лучшая среди лекарей. Волосы девы **Фуллы** растрепаны, на голове ее золотая повязка⁵⁶. Она носит ларец Фригг, хранит ее обувь, и ведаёт все ее тайные помыслы. Выполняя поручения Фригг, **Гна** ездит по воздуху и над морями на коне Ховварпнир. Однажды ее в воздухе увидели ваны, один из которых сказал:

Что там летит?
Что там скользит?
В выси словно парит?
Она отвечает:

Я не лечу,
Хоть я и скольжу,
На Ховварпнире,
Зачатом Хамскрепиром
От Гардровы.

Младшая Эдда, пер. О.А. Смирницкой

Хлин охраняет тех, кого Фригг стремится спасти. **Сьёвн** склоняет лиц обоего пола к любви: по ее имени любовник называется словом *siafni*. **Ловн** добра и милостива к тем, кто обращается к ней: Всеотец и Фригг разрешили ей соединять любящих друг друга, какие бы трудности и препятствия ни вставали у них на пути. От ее имени происходит слово *lof* (хвала, позволение), поскольку люди превозносят ее. **Вёр** слышит клятвы и обеты влюбленных и наказывает тех, кто нарушает их. Она мудра и слышит обо всем: ничто не может остаться сокрытым от нее. **Сюн** охраняет двери чертога, закрывая их перед теми, кто не должен войти. Ее при-

зывают как защитницу в суде, если кто-то пытается ложью добиться решения в свою пользу. **Снотра** мудра, и манеры ее изящны. По ее имени мудрого человека, мужчина то или женщина, называют словом *snotr*. **Соль** и **Биль** также считаются богинями, к которым также принадлежат **Ёрд** (Земля), мать Тора, и **Ринд**, мать Вали.

О Слейпнире, коне Одина

У Одина был конь по имени Слейпнир, лучший среди коней. О происхождении его рассказывают следующую историю. В начале времен, когда боги основали Мидгард и Валгаллу, из Йотунхейма явился зодчий, пообещавший им за три полугодия воздвигнуть такую надежную твердыню, что ни горные, ни инеистые великаны не сумеют овладеть ею в том случае, если сумеют пробиться в Мидгард, но взамен потребовал Фрейю вместе с солнцем и луной. Боги согласились на его требования, при условии, что зодчий закончит работу за одну зиму, и что если в первый день лета останется что-нибудь недоделанное или если он прибежит к чьей-нибудь помощи, сделка будет расторгнута. После этого строитель попросил разрешения пользоваться своим конем Свадильвари (Сватхильвари), на что асы по совету Локи согласились. Зодчий приступил к работе в первый день зимы, и всю ночь конь его возил камни. Асы были изумлены колоссальным размером камней, которые перевозил конь, выполнявший работы в полтора раза больше, чем сам зодчий; однако сделка была заключена при свидетелях, было принесено много клятв, без которых великан не мог считать себя в безопасности среди Асов, в особенности после возвращения Тора, пребывавшего тогда в восточных краях – в походе против троллей (демонов). Когда зима стала приближаться к окончанию, крепость оказалась почти законченной, она была столь высока и прочна, что выдержала бы любой натиск. Когда до наступления лета оставалось только три дня, оставалось построить только ворота. Тогда боги собрались на совет, призадумались и спросили – кто посоветовал выдать Фрейю замуж в Йотунхейм, а также испортить небеса и воздушное пространство, отдав солнце и луну великану. Все сошлись на том, что такой совет мог дать только Локи, сын Лауви, знаменитый своими выходками, которому они пригрозили позорной смертью, если тот не придумает какой-либо способ разорвать сделку. Локи пришел в ужас и поклялся, что строитель не получит никакой платы. Вечером, когда строитель отправился со своим конем за камнями, из леса к ним подбежала кобыла и призывно заржала: конь взволновался, вырвался из упряжи и поскакал следом за кобылой в лес; великан бросился в погоню за конем, так они и пробегали всю ночь. Когда строитель понял, что не сумеет закончить постройку вовремя, он впал в истинно великанскую ярость; однако, поняв, что они имеют дело с горным великаном, Асы вопреки всем клятвам вызвали на помощь Тора, который вместо солнца и луны наделил зодчего ударом молота Мьёлнира, не отпустив его назад в Йотунхейм: Тор первым же ударом разбил череп великана, низвергнув его в Нифльхейм. Принявший облик кобылы Локи понес от Свадильфари и по прошествии должного времени родил серого жеребенка с восемью ногами⁵⁷: это и был Слейпнир, конь Одина, на котором он скачет над сушей и морем.

О корабле Скидбладнир⁵⁸ (Скитблатнир)

Корабль этот был сооружен в начале времен гномами, сынами Ивалди⁵⁹, подарившими судно Фрейру. Корабль этот лучший и самый совершенный среди всех кораблей, хотя самым большим является принадлежащий Муспеллю Нагльфар. Однако об этом знаменитом корабле рассказывают другую повесть. Некогда Локи из шалости срезал с головы Сив все волосы. Когда Тор проведал об этом, он поклялся перебить в теле Локи все кости до единой, если тот не сумеет заставить черных эльфов сделать ей волосы из чистого золота, которые будут расти,

словно настоящие. Посему Локи отправился к сыновьям Ивалди, сделавшим для него такие волосы и корабль Скидбладнир, а также для Одина копье Гунгнир.

После этого Локи поспорил на собственную голову с гномом Брокком о том, что брат того Синдри (Эйтри) не сумеет сделать три таких же драгоценных вещи. Они отправились в кузню. Синдри положил в огонь свиную шкуру и попросил Брокка раздувать огонь, пока он не вынет шкуру. Но когда он вышел из кузницы и Брокк раздувал меха, прилетел овод⁶⁰, который уселся на руку гнома и ужалил его. Брокк тем не менее не прекратил дела, но поддерживал пламя до тех пор, пока не вернулся его брат и не вынул получившуюся вещь из огня. Ею оказался борос с золотыми щетинками. После этого кузнец положил в огонь золото, и, велев брату поддувать без перерыва до его возвращения, ушел. Тогда овод прилетел вновь, уселся на шею гнома и ужалил его в два раза сильнее, чем до того; однако Брокк продолжал дуть до тех пор, пока вернувшийся кузнец не извлек из огня золотое кольцо по имени Драупнир. В третий раз Синдри положил в огонь железо и самым настоятельным образом уговорил брата дуть без перерыва, иначе все будет потеряно. Теперь овод расположился на глазу Брокка и ужалил того в бровь, да так, что у того потекла кровь; она мешала гному видеть, и он торопливым движением руки протер глаз, отгоняя овода, причем при этом мехи на мгновение остановились. В этот самый миг вернулся кузнец, сказавший, что находившаяся в огне вещь едва не пропала. Когда ее достали из горна, она оказалась молотом. Синдри доверил все три вещи своему брату, сказав, что теперь они могут отправляться в Асгард, чтобы там могли решить, кто победил. Когда Синдри и Локи появились там со своими сокровищами, асы заняли свои места на судилище, и было решено, что поступят согласно решению, которое примут Один, Тор и Фрейр.

Локи подарил Одину копье Гунгнир, Тору – волосы для Сив, Фрейру – корабль Скидбладнир, объяснив при этом достоинства своих даров: копье никогда не промахивалось мимо цели; волосы начали расти сразу же, как их приложили к голове Сив; а Скидбладнир всегда имел в своих парусах попутный ветер и был настолько вместителен, что в нем помещались все боги вместе с оружием и доспехами, однако при этом он был сооружен настолько искусно и из стольких деталей, что его можно было свернуть словно кусок ткани и поместить в карман.

После этого вперед шагнул Брокк со своими удивительными изделиями. Кольцо он подарил Одину, сказав, что каждую девятую ночь с него будут капать восемь столь же драгоценных колец. Свинью он подарил Фрейру, пояснив, что та может бегать по воздуху и морю быстрее, чем любой конь, и что даже в самую темную ночь щетина ее будет давать достаточно света. Тору он отдал молот, сказав, что им можно разить со всей силой и без вреда для себя все, что окажется перед ним, и что, забросив молот в любую даль, он никогда не потеряет его, поскольку оружие самостоятельно вернется в его руку, а когда он захочет, молот делается таким маленьким, что его можно будет убрать в карман. Единственным недостатком молота оказалась слишком короткая рукоятка⁶¹.

Судьи посчитали самым лучшим изделием молот, поскольку тот был могучим оружием против инеистых великанов; гном поэтому выиграл заклад. Локи предложил ему выкуп за собственную голову, однако гном отказался. «Что ж, возьми ее», – сказал Локи; но прежде чем гном успел прикоснуться к нему, Локи уже был далеко, потому что он надел башмаки, в которых мог бежать по воздуху и воде. Тогда гном попросил Тора поймать Локи, и тот исполнил его желание; однако когда гном попытался снять с него голову, Локи остановил его, сказав, что проиграл он голову, но не шею. Тогда гном взял ремешок и нож, намереваясь проткнуть губы Локи и зашнуровать его рот, однако нож не захотел резать. «Все было бы хорошо, – сказал гном, – если бы у меня было сейчас шило моего брата». Шило появилось тотчас, как он назвал его. Оно сделало свое дело, и гном зашнуровал губы Локи ремешком, носящим имя Вартари.

Происхождение скальдического или поэтического искусства

Замирившись, асы и ваны смешали свою слюну в сосуде в знак дружбы. Из содержимого этого сосуда боги сотворили человека по имени Квасир. Он был настолько мудр, что никто не мог задать ему такой вопрос, на который он не сумел бы ответить; кроме того, он много путешествовал, чтобы поделиться своим знанием с людьми. Квасира пригласили на пир гномы Фьялар и Галар и, якобы желая сообщить ему некую тайну, отвели в сторону и убили. Кровью его они наполнили два сосуда, нареченные Сон и Бодн, и котел Одхрёрир. С кровью этой они смешали мед и таким образом получили напиток, который преобразует каждого, кто отведал его, в скальда или мудреца. Асам же они сказали, что Квасир утонул в собственной мудрости.

Те же самые гномы после этого пригласили к себе великана по имени Гиллинг вместе с женой и повезли его кататься в море, но, отдалившись от земли, направили лодку на камень и перевернули ее; не умевший плавать Гиллинг утонул. Выправив лодку, гномы вернулись домой. Когда они рассказали жене Гиллинга о его кончине, та принялась безутешно рыдать. Тогда Фьялар спросил ее, не облегчится ли ее горе, если она увидит то самое место в море, где погиб ее муж. Та ответила согласием, и Фьялар, распорядился, чтобы брат его Галар стал над дверью и, когда великанша выйдет, сбросил ей на голову мельничный жернов, поскольку ему досаждали ее причитания. Брат исполнил его желание. Узнав о случившемся, сын Гиллинга Суттунг отправился к гномам, схватил их, отвез в море и оставил на скале, которая в прилив уходила под воду. Они принялись молить о том, чтобы Суттунг помиловал их, и предложили ему в качестве выкупа за кровь свой драгоценный мед, который он принял. Суттунг отвез мед к себе домой, спрятал его в горе Хнитбьёрг, под охрану своей дочери Гуннлёд. С тех пор поэзию называют кровью Квасира, напитком гномов, соком Одхрёрира, Сон или Бодн, платой гномов (поскольку ей они купили свои жизни), медом Суттунга или водой Хнитбьёрга.

Один весьма стремился получить этот мёд и потому оставил свой дом и явился к месту, где девять трэлов косили сено. Он предложил им поточить их косы. Трэлы поблагодарили его за предложение, и Один, сняв с пояса точильный камень, превосходно наточил их, тогда они захотели купить у него камень. Один подбросил его в воздух, и, пытаясь схватить его, все девятеро зарубили друг друга косами. Один остановился на ночь у великана Бауги, брата Суттунга, горько сожалевшего о своей потере, потому что девятеро его трэлов перебили друг друга, и теперь он не знал, где найти новых работников. Один, назвавшийся Бёльверком, предложил сделать всю работу за девятерых, при условии, что в качестве награды ему позволят отпить меда Суттунга. Бауги поведал ему, что не вправе распоряжаться медом, и добавил, что Суттунг хочет сохранить его для себя; но он отправится вместе с Бёльверком и постарается помочь ему. Все лето Один трудился за девятерых на Бауги, и когда настала зима, потребовал свою награду. После сего оба они отправились к Суттунгу, которому Бауги рассказал о своем соглашении, однако Суттунг не пожелал расстаться даже с каплей меда. Тогда Бёльверк предложил попробовать какую-нибудь уловку, если они не сумеют добыть мед как-нибудь иначе, и Бауги согласился на это. Тогда Бёльверк достал бурав по имени Рати и предложил Бауги, если бурав окажется достаточно острым, пробурить ход в горе. Так Бауги и поступил и наконец сказал, что ход проделан, но когда Бёльверк дунул в дыру, пыль полетела ему в лицо; обнаружив обман, он предложил Бауги продолжить работу. Наконец работа была завершена, и когда Бёльверк дунул снова, пыль полетела внутрь. Теперь Бёльверк, приняв облик червя, прополз внутрь. Бауги попытался раздавить его буравом, но промахнулся. Потом Бёльверк направился к Гуннлёд, провел с ней три ночи и получил разрешение трижды вкусить меда. С первого глотка Один осушил Одхрёрир; со второго Бодн; с третьего Сон, выпив таким образом весь мед. Затем Один превратился в орла, и со всей возможной скоростью полетел прочь. Однако Суттунг, заметивший орла, также накинул на себя орлиное оперение и полетел в погоню. Когда асы увидели

подлетающего Одина, они выставили во дворе сосуды, и оказавшись в Асгарде, он немедленно выплюнул мёд в сосуды. Однако Суттунг преследовал его по пятам, и часть меда полетела из тела Одина с противоположной стороны; однако она осталась незамеченной, и с тех пор ею пользуется всяк, кто сумеет это сделать. Долю эту зовут долей рифмоплетов и графоманов. Один передал мед Суттунга Асам и тем, кто умеет слагать хорошие стихи, посему скальдическое искусство называют трофеем Одина, находкой Одина, его питьем, его даром и напитком Асов.

О похищении и возвращении Идун

Об этом существует два рассказа, один в *Сэмундовой Эдде* (*Hrafnagaldur Odins*, или *Песнь Одинова Ворона*), дальнейшие упоминания о котором в данной книге опущены, по причине ее невнятности и отсутствия интереса к нему у основной массы читателей; второй приведен в *Эдде Снорри*.

Асы Один, Локи и Хёнир однажды оставили свой дом и направились по горам и пустошам, где их мучила нехватка еды, но спустившись в долину, они заметили стадо быков, одного из которых убили, чтобы сварить. Решив, что мясо готово, они попробовали его, однако мясо не проварилось. Через некоторое время асы вновь попробовали мясо, которое опять оказалось неготовым. И когда они обсуждали случившееся и гадали о том, что могло послужить тому причиной, до них сверху донесся голос. Поглядев, они заметили у себя над головами изрядной величины орла, который сказал им: «Если вы досыта накормите меня мясом быка, он скоро сварится». Асы обещали накормить его; после чего орел слетел с дерева, уселся на варящуюся тушу и вырвал свою часть из окороков и обоих плеч. Увидев это, Локи воспылил гневом и, схватив огромный шест, изо всей силы ткнул им орла, тем не менее сумевшего взлететь, хотя один конец жерди прилип к его телу, а другой крепко держала рука Локи. Когда орел взлетел, ноги Локи поволоклись по скалам, пригоркам и деревьям, и он подумал, что рука его оторвется от плеча. Он громко закричал и попросил пощады, однако орел ответил, что не отпустит своего пленника, пока тот не поклянется доставить ему из Асгарда Идун вместе с ее яблоками. Дав такую клятву, Локи получил свободу и со спутниками возвратился в Асгард.

Там, выбрав подходящее время, он сказал Идун, что в лесу возле Асгарда видел прекрасные яблоки, и тем самым выманил ее за стены, попросив взять с собой ее собственные яблоки, чтобы сравнить и те и другие. Тут явился великан Тиацци в орлином оперенье (ибо он-то и был орлом), схватил Идун и полетел с ней к себе домой. Асы же в отсутствие Идун быстро состарились и поседели. Посему они собрались на совет и принялись расспрашивать друг друга о том, кто видел ее последним, тогда обнаружилось, что она вышла из Асгарда с Локи. Того схватили, привели на совет и стали угрожать пытками и смертью, если он не сумеет вернуть Идун из Йотунхейма. Устрашенный угрозами, он обещал вернуть похищенную, если Фрейя одолжит ему свое соколиное оперение; получив его, Локи полетел на север, к Йотунхейму, и добрался до жилья великана, где застал Идун в одиночестве, потому что Тиацци отправился в море. Локи превратил ее в орех, взял его в свои когти и быстро полетел прочь.

Вернувшись домой, Тиацци обнаружил пропажу, надел орлиные перья, полетел за Локи и едва не настиг его; однако, завидев сокола с орехом в когтях и преследующего его орла, асы вышли к стене с охапками щепы, которую запалили, едва сокол влетел в город и опустился на землю; орел же, не сумев быстро отреагировать, опалил крылья и лишился сил, после чего его убили Асы. О Тиацци, кроме того, говорят, что отца его звали Эльвальди, и у него было много золота. Сыновья его, Тиацци, Иди и Ганг, делили наследство, отмеряя свою долю по очереди своими ртами.

О Ньёрде (NiÖrthr) и Скади (Skathi)

Скади, дочь Тиаци, взяла шлем и кольчугу и с полным вооружением отправилась в Асгард, чтобы отомстить за смерть отца. Асы предложили ей мир и выкуп, а также разрешили выбрать себе мужа из их числа, – при условии, что она будет видеть лишь ноги тех, из кого выбирает. Обойдя всех, она увидела понравившиеся ей ноги и сказала: «Выбираю его; у Бальдра нет недостатков». Тем не менее она сделала ошибку, ибо ноги принадлежали Ньёрду из Ноатуна. Другим условием мира было положено, чтобы асы рассмешили ее, что сумел сделать Локи, устроивший нелепую выходку с козой. Рассказывают еще, что Один (или Тор) взял глаза Тиаци и забросил их на небо, превратив в две звезды. Ньёрд женился на Скади, однако скоро между ними возник спор, ибо Скади хотела жить среди гор, в жилище своего отца, носившем название Трюмхейм, в то время как Ньёрд предпочитал пребывать возле моря. Наконец они сошлись на том, что будут проводить поочередно девять дней в Трюмхейме и три в Ноатуне⁶². Вернувшись с гор в свой Ноатун, Ньёрд промолвил:

Не любы мне горы,
хоть я и был там
девять лишь дней.
Я не сменяю
Клик лебединый на вой волков.

Тогда Скади сказала так:

Спать не дают мне
птичьи крики
на ложе моря,
всякое утро
будит меня
морская чайка⁶³.

Пер. О.А. Смирницкой

После этого она вернулась в свои горы и с тех пор обитает в Трюмхейме, где бегают на лыжах и стреляет диких зверей из лука; посему ее называют Ондургуд или Ондурдис (богиней-лыжницей). «Из ее жилища и с ее полей всегда исходят холодные (пагубные) пожелания Локи, из-за которого погиб ее отец».

О Фрейре и Герде (Gerthr)

Фрейр однажды сидел на престоле Хлидскъяльв, оглядывая миры, и обратившийся к Йотунхейму взор его пал на Герд, прекрасную деву, дочь Гюмира и Аурбоды, родственников Тиаци, шедшую из чертога своего отца в свое девичье жилище. Когда она подняла руки, чтобы отворить дверь, и небо и земля озарились таким светом, словно воссиял весь мир. Фрейр спустился с Хлидскъяльва с сердцем, полным любовного пыла, и отправился домой, где не пил, не спал и молчал и не позволял никому обращаться к нему со словами. Такое наказание Фрейр возложил на себя за то, что позволил себе усестись на священном престоле Одина. Увидев сына таким, отец его Ньёрд послал за Скирниром, слугой Фрейра, и приказал ему отправиться к своему господину и спросить о том, что же так смутило его. Поступивший как было при-

казано Скирнир спросил у Фрейра, почему тот сидит день за днем в великом чертоге. «Как описать тебе поразившую меня страсть, – ответил Фрейр. – Светило альвов (солнце) светит каждый день, но не радует меня». «Открой мне свои печали, – сказал Скирнир, – с начала времен, от юности нашей жили мы вместе и должны доверяться друг другу». И Фрейр поведал ему о том, что увидел в доме Гюмира светлорукую деву; и что возлюбил ее с большим пылом, чем может возлюбить юноша на заре своих дней, и что ни Асы, ни альвы не позволят им сойтись. «Дай же мне твоего быстрого скакуна, – сказал Скирнир, – который может пронести меня сквозь сильное пламя, и твой меч, который сам собой рубит великанье племя, если крепок тот, кто держит его». Тогда отправился Скирнир в путь и сказал коню: «Темень снаружи, пора нам перевалить через туманные горы, к великаньему племени; или же мы оба вернемся, или же этот могучий великан погубит нас обоих». И Скирнир приехал в Йотунхейм, к дому Гюмира, в ограде которого около ворот сидели на цепи свирепые псы. Скирнир подъехал к сидевшему на пригорке пастуху и спросил у того, как можно проехать мимо псов Гюмира и поговорить с юной девой. «Обречен ли ты на смерть или вижу я перед собой бесплотного духа? Не суждено тебе услышать голос доброй дочери Гюмира». На такие слова пастуха Скирнир ответил: «Есть лучшее дело, чем плакать о том, кто доброю волей идет на смерть; жизнь была дана мне только на один день, и число дней моих определено судьбой». Но Герд услышала голос незнакомца и спросила: «Что за шум шумов раздается в нашем чертоге? Земля трясется от него, и все дворы Гюмира сотрясаются». Служанка ее ответила: «Муж, прибывший извне, спустился со своего коня и пустил его пастись». «Предложи ему, – сказала Герд, – войти в наш чертог и испить светлого мёда, хотя боюсь я, что это убийца моего брата стоит снаружи». Когда Скирнир вошел, Герд спросила: «Которого из альвов или асов или мудрых ванов вижу я? Зачем пересек ты бушующее пламя⁶⁴, чтобы попасть в наш чертог?» Далее Скирнир изъясняет цель своего приезда. Дева долгое время не уступала его просьбам поселиться с Фрейром. В награду за любовь он обещал ей одиннадцать золотых яблок, однако Герд не согласилась. Тогда он пообещал ей кольцо Драупнир, положенное на погребальный костер младшего сына Одина Бальдра, но она опять отказалась, сказав, что в чертогах отца не знала недостатка в золоте. Тогда Скирнир угрожал отсечь ей голову светлым мечом, который держал в руке, удара которого не выдержал бы старый великан, отец ее; ударить ее жезлом укрощения; отправить ее туда, где сыны человеческие более не увидят ее; посулил ей жизнь на орлиной горе, отдаленной от мира и приближенной к царству Хель, где пища будет ей столь же отвратительна, как змей Мидгарда сыновьям человеческим⁶⁵; и что когда она выйдет оттуда, то будет осмеяна Гримниром и всеми на свете, потому что станет чудовищем, достойным лишь издевки и презрения. «Садись, – сказал он, – ибо я изолю на тебя поток горестей и удвоенного несчастья. Ужас не будет расставаться с тобой во все дни пребывания в чертоге великана; день за днем ты будешь бродить по нему, не зная счастья; плач, а не приятное времяпровождение будет твоим уделом, и слезами ты будешь омыwać твою боль. Жизнь твою ты будешь влачить с трехголовым великаном или же умрешь девицей; с утра до утра будет твой ум пребывать в тревоге, и уподобишься ты чертополоху, сохнущему на крыше дома». А затем, взмахнув своим волшебным жезлом, произнес проклятие: «В гневе на тебя Один! В гневе на тебя князь Асов! Фрейр будет избегать тебя, о, злая дева, когда поразит тебя месть богов! Услышьте об этом великаны! Услышьте, инеистые великаны и сыновья Суттунга⁶⁶, и вы, о друзья асов⁶⁷! услышьте, как я запрещаю и изгоняю тебя из общества людей! Призываю великана Хримgrimнира, который будет владеть тобой в бесплодной обители мертвецов, где рабы горя будут поить тебя только козлиной мочой. Вырезаю на тебя руну Турс⁶⁸ и три другие руны: слабости, безумия и нетерпения. Но я срежу их⁶⁹ так же, как вырезал: выбирай». «Приветствую тебя, юноша! – сказала Герд, – и в знак приветствия прими чару ледяного старого меда; хотя никогда не обнаруживала расположения к мужам из племени Ванов». Она пообещала встретиться с сыном Ньёрда через девять дней в теплом лесу

Барри. Скирнир вернулся домой, где объявил о счастливом исходе своей поездки; однако полный желания Фрейр воскликнул: «Длинна ночь, длинны две ночи; как вытерпеть три? Часто месяц казался мне дольше, чем половина ночи, исполненной такого желания».

Таким образом, Фрейр расстался со своим мечом, и безоружным сражался с Бели⁷⁰, которого сразил оленьим рогом, хотя мог бы сразить ударом кулака: однако настанет время, когда утрата меча обойдется ему куда дороже: когда сыновья Муспелля выедут на битву.

Об отпрысках Локи

От Ангурбоды (*Angrbotha*), великанши из Йотунхейма, у Локи было трое детей, а именно волк Фенрир, змей Мидгарда, или Ёрмунганд, и Хель, богиня смерти. Когда Асы обнаружили, что все трое воспитываются в Йотунхейме, и вспомнили предсказания о том, что все трое причинят им много бед, являясь источником зла как по материнской, так и – в еще большей степени – по отцовской линии, Всеотец послал богов за детьми Локи. Когда они пришли, Один бросил змея в глубокий океан, окружающий все земли; но, оказавшись там, змей рос и рос, пока не окружил свои телом весь мир, впившись зубами в собственный хвост. С тех пор он питает ненависть к небу, сотрясает сушу, заставляет трепетать воздух, посылает на землю снег, штормовые ветры и проливные дожди. Хель Один низверг в Нифльхейм, отдав под ее власть девять миров, чтобы она находила там место для тех, кто попадает к ней, то есть всем усопшим от болезней и старости. Просторный двор ее окружен стеной с большими воротами. Чертог ее носит имя Элиуднир (*nimbos sive procellas late accipiens* – «грозы или бури обильно приемлющий»); тарелка ее зовется Хунгр (голод); нож ее Сулк (истощение); при ней состоят прислужник Ганглати (неторопливый) и служанка Ганглот (неторопливая); имя порогу ее *Fallanda forat* (опасный обрыв); постель ее Кор (одр болезни); занавеси ее – Бликианда бол (Злая напасть). Тело ее наполовину черное, наполовину цвета мяса, и потому ее легко узнать, она свирепа и угрюма. Волка воспитали Асы, и лишь Тюру хватало отваги кормить его. Когда асы заметили, сколько прибавляет за каждый день в росте Фенрир, которому определено было стать их погубелью, они решили сковать для него очень прочную цепь по имени Лединг (*Laethingr*), которую принесли к волку, чтобы он доказал свою силу. Цепь не показалась волку прочной, и он не стал противиться асам; однако она разорвалась в тот момент, когда Фенрир потянулся, и он снова оказался на свободе. Тогда асы сделали еще одну цепь, вдвое крепче прежней, и назвали ее Дроми. Ее также предложили разорвать волку, сказав, что он прославится своей силой, если сумеет избавиться и от нее. Волк заметил, что цепь чрезвычайно прочна, но в то же время он знал, что сделался значительно более сильным с той поры, когда разорвал путы Лединга. Кроме того, он подумал, что если хочет прославиться, то должен рискнуть. Поэтому он позволил асам сковать его. Когда асы закончили свое дело, волк рванулся, брыкнулся и сбросил ее на землю, так что куски разлетелись во все стороны. Так он освободился и от Дроми. С тех пор говорят: «высвободился из Лединга» или «вырвался из Дроми», когда делают что-то с большим трудом.

Испугавшись, что они так и не сумеют связать волка, Асы послали Скирнира, вестника Фрейра, к неким черным альвам в Сварт-Альвхейм, чтобы те сделали для них цепь Глейпнир, на которую ушло семь материалов: звук кошачьих шагов, женские бороды, корни гор, медвежьи жилы, рыбаье дыхание и птичья слюна. Цепь вышла мягкая и гибкая, как шелковый шнурок, но чрезвычайно прочная. Получив ее, боги вместе с Фенриром отправились на остров Лингви, что на озере Амсвартнир. Там они показали ему путы, спросив, сумеет ли он разорвать их, поскольку цепь оказалась куда прочнее, чем можно было подумать по ее внешнему виду. Пытаясь разорвать ее, они передавали цепь друг другу, но без успеха. «Но волк, – сказали они, – без труда разорвет ее». Волк ответил: «Мне не кажется великой честью разорвать столь тонкую нить, но поскольку она кажется столь тонкой, здесь может быть какая-то хитрость или обман, и я не позволю надеть ее на мои ноги». Асы сказали, что он без труда разорвет шелко-

вый шнурок, раз уже разрывал прочные железные оковы, прибавив: «Даже если ты не сумеешь разорвать ее, бояться нечего, ведь мы немедленно освободим тебя». Волк ответил: «Если вам удастся связать меня так надежно, что я не смогу освободиться, не сомневаюсь, что мне долго придется дожидаться милости с вашей стороны. И потому я не имею ни малейшего желания позволять, чтобы меня обвязывали этой веревкой. Но чтобы вы не обвиняли меня в недостатке отваги, пусть один из вас положит мне руку в пасть, в качестве залога доброй воли с вашей стороны». Боги переглянулись, поскольку ни один из них не желал рисковать рукой. Наконец, Тюр протянул руку и вложил ее в пасть волка. Фенрир напрягся, и чем больше пытался он высвободиться, тем туже охватывала его цепь. Тут все принялись смеяться, кроме Тюра, поплатившегося рукой за опрометчивость. Увидев, что волк надежно связан, Асы взяли конец прикрепленной к путам цепи Гелгья, продели ее сквозь огромную скалу, зовущуюся Гьёлль, которую закопали глубоко в землю и забили еще глубже с помощью камня Твити. В открытую пасть волка они вставили меч, рукоятка которого упирается в нижнюю челюсть, а острие воткнулось в верхнюю челюсть. Жутко воет волк, и пена, бегущая из его пасти, сливается в реку, называемуюся Вон; место, где находится он, также зовется Ванарганд (*Vanarganndr*). Там будет лежать он до самого Рагнарёка.

О Торе и его странствиях рассказывают многие истории, из которых до нас дошли следующие.

Тор в доме Гейррёда (*Geirröthr*)⁷¹

Однажды Локи, желая развлечься, отправился на прогулку в соколином оперении Фригг, прилетел к дому Гейррёда, и, заметив просторный чертог, побуждаемый любопытством, сел и заглянул в окно. Заметивший его Гейррёд приказал одному из своих слуг поймать птицу и принести ему; однако получивший поручение человек неловко карабкался вверх по высокой стене, и Локи, посмеивавшийся над увальнем, решил, что сумеет улететь раньше. И когда, наконец, слуга протянул к нему руку, Локи взмахнул крыльями, чтобы улететь; но ноги его запутались в чем-то; так его поймали и принесли к великану, который, заглянув в его глаза, понял, что имеет дело не с простой птицей, и приказал ему говорить; однако Локи молчал. Тогда великан запер его в сундук, где Локи пришлось три месяца голодать. Наконец великан вынул его и снова приказал говорить. Локи был вынужден признаться в том, кто он; и чтобы сохранить свою жизнь ему пришлось клятвенно пообещать, что он приведет сюда Тора, причем без молота и пояса силы. Локи уговорил Тора предпринять такое странствие. По пути они остановились у великанши Грид (*Grithr*), матери Видара Молчаливого, пососоветовавшей Тору опасаться Гейррёда, искусного мошенника, общение с которым не сулило ничего хорошего. Она одолжила ему свой пояс силы, железные рукавицы и посох по имени Гридарволл. Путешествуя, они пришли к величайшей из рек, называемой Вимур, чтобы пересечь которую Тор опоясался поясом и удерживал себя в потоке, опираясь на посох Грид, а Локи крепко держался за пояс. Достигнув середины потока, они обнаружили, что вода переливается через плечи Тора; поглядев наверх, на часть реки, стиснутую двумя крутыми скалами, он заметил Гьялп, одну из дочерей Гейррёда, стоявшую, опираясь ногами в оба берега; оказалось, что это она и заставила воду в реке подняться; посему, схватив тяжелый камень, Тор бросил его в великаншу со словами: «Реку следует преградить в ее истоке». Подойдя поближе к берегу, он ухватился за рябиновый куст и выбрался на сушу. Оттого говорят: «Рябина – спасительница Тора». Когда он пришел в жилище Гейррёда, его поместили в палате, где стояло только одно кресло; сев на него, он обнаружил, что кресло поднялось к самой крыше, посему, упершись посохом Грид в балку, он налег на него всей мощью, тогда послышался громкий хруст, сопровождаемый жутким криком. Оказалось, что под креслом устроились дочери Гейррёда, Гьялп и Грейп, и Тор переломил им спины. После этого Гейррёд пригласил Тора в свой чертог – развлечься игрой. С

одной стороны чертога располагался огромный очаг, из которого, когда Тор оказался напротив Гейррёда, последний выхватил щипцами раскаленный докрасна железный клин и швырнул его в Тора, который поймал предмет железной рукавицей и отбросил назад. Гейррёд укрылся за железным столбом, но Тор метнул клин с такой силой, что тот пронзил столп, пронзил Гейррёда, стену и глубоко вошел в землю снаружи⁷².

Похищение молота. Проснувшись, Винг-Тор обнаружил, что молот его отсутствует; борода его тряслась, а голова раскачивалась от ярости. Он дал знать о своей потере Локи, и они отправились в прекрасное жилище Фрейи, чтобы занять ее соколиное оперение. Надев его, Локи полетел в Йотунхейм и застал вождя великанов Трюма сидящим на возвышенности около своего жилья; гигант плел золотой ошейник для своего пса и поглаживал гривы своих коней. «Как идут дела у асов, – спросил он, – и как обстоят дела у альвов? Зачем пришел ты в одиночестве в землю великанов?» «Плохи дела у асов, плохи дела у альвов. Это ты спрятал молот Хлорриди?» – спросил Локи. «Да, – ответил Трюм. – Я спрятал его в девяти милях отсюда под землей, и никто не достанет его, если только он не приведет мне в жены Фрейю». Тогда Локи, шелестя перьями, полетел назад с известием и сообщил Тору о том, где находится молот, и о том условии, на котором он может быть возвращен. После оба они отправились к прекрасной Фрейе, которой изложили суть дела, и Локи сказал: «Убери себя, как положено невесте, и мы вместе отправимся в Йотунхейм». Однако Фрейя гневно фыркнула, так что задрожал весь чертог и рассыпалось ее ожерелье Брисингамен, и сказала: «Я отправилась бы с тобой в Йотунхейм, только если бы была совершенно лишена мужского общества». Все Асы сошлись на собрание, на которое пришли и все богини, чтобы обсудить, каким образом можно будет вернуть молот. Тогда сказал Хеймдалль Мудрый, будучи ваном, провидевший будущее: «Давайте возложим на Тора покрывало невесты и украсим его ожерельем Брисингамен; пусть на боку его звякает связка ключей, женское платье прикрывает колени, драгоценные камни покрывают грудь, а голову покрывает красивый головной убор». Но Тор, могучий бог, ответил: «Асы осмеют меня, если я позволю одеть себя в женское платье». Но Локи тогда напомнил всем, что если Тор не вернет назад свой молот, то в Асгарде поселятся великаны. Посему они возложили на Тора покрывало невесты, украсили его знаменитым ожерельем Брисингамен, прицепили к поясу ключи, женское платье прикрыло его колени, драгоценные камни покрыли грудь и красивый убор голову. Локи отправился с ним в качестве служанки. Козлы бежали, горы тряслись, земля полыхала, когда сын Одина катил в Йотунхейм. Тогда сказал вождь великанов: «Вставайте, великаны! Положите подушки на скамьи и приведите ко мне мою невесту Фрейю. Пусть приведут к моей обители златорогих коров и черных, как уголь, быков. Довольно у меня украшений, довольно сокровищ⁷³; одной только Фрейи не хватало мне для счастья».

В самом начале вечера собрались великаны, и начался праздник. Тор в одиночку съел целого быка, восемь лососей и все приготовленные для женщин сладости, к которым, чтобы утолить жажду, добавил три огромных сосуда меда. Потрясенный Трюм воскликнул: «Никогда не видел я настолько прожорливой невесты или чтобы женщина пила столько меда». Однако рассудительная служанка заметила: «Восемь дней и ночей Фрейя ничего не ела, с таким пылом стремилась она в Йотунхейм». Тогда великан приподнял покрывало, чтобы поцеловать невесту, в ужасе отшатнулся и бросился прочь из чертога, восклицая: «Почему у Фрейи столь пронзительный взор? Глаза ее жгут огнем». Но лукавая служанка ответила: «Восемь дней и ночей Фрейя не спала, с таким пылом стремилась она в Йотунхейм».

Тут явилась несчастная сестра великана, чтобы спросить брачный дар, и сказала: «Дай мне своей рукой колец красного золота, если хочешь добиться моей любви и благосклонности». Трюм сказал тогда: «Внесите теперь молот, чтобы освятить им невесту; положите Мьёлнир на колени девы и соедините нас именем Вёр». Но сердце Хлорриди, крепкого бога, возликовало в его груди, когда молот оказался в его руке. Первым он убил Трюма, затем все великанское

племя; а сестра великана получила раны вместо скиллингов и удары молотом вместо красных колец. Так сын Одина вернул свой молот.

О Торе и Утгарда-Локи⁷⁴

Некогда Тор выехал в своей запряженной козлами колеснице вместе с Аса-Локи, и вечером подъехали они к дому селянина. Козлов убили и сварили, и Тор пригласил селянина, его жену, их сына Тьялви и дочь Рёскву принять участие в трапезе, сказав, что кости следует бросать в козлиные шкуры, которые он оставил у очага. Однако Тьялви расколол бедренную кость, чтобы извлечь из нее костный мозг. Тор провел в этом доме всю ночь, поднялся с рассветом, высоко поднял Мьёлнир, благословил им козлиные шкуры, и козлы вскочили живыми, однако один хромал на заднюю ногу. Он позвал селянина, готового пасть на колени при виде гневного чела и побелевших пальцев, стискивавших рукоять Мьёлнира. Все семейство бросилось просить прощения и предложили отдать все, что у них есть, чтобы компенсировать такую беду. Увидев их ужас, Тор умерил гнев и ограничился тем, что взял Тьялви и Рёскву себе в слуги. Оставив позади козлов, он продолжил свой путь на восток, в Йотунхейм, в направлении моря в компании Локи, Тьялви и Рёсквы. Недолго пройдя, они приблизились к огромному лесу, по которому шли до темноты; Тьялви, быстрейший из всех людей, нес суму Тора, хотя провизию для него удавалось отыскать с трудом. Оглядевшись по сторонам, они принялись искать подходящее место для ночлега и заметили очень вместительный дом с дверью во всю боковую стену. Они вошли и отдались отдыху; однако в полночь земля под ними затряслась, вздрогнул и дом. Поднявшись Тор, позвал своих спутников. На ощупь они нашли справа каморку, в которой спрятались, а сам Тор встал в дверях с молотом в руках. Услышав снаружи великий шум и грохот, спутники Тора пришли в ужас. На рассвете Тор вышел наружу и увидел человека гигантского роста, лежавшего неподалеку в лесу: он спал и громко храпел. Тор, понявший теперь, кто произвел ночной шум, застегнул свой пояс силы, увеличивавший его божественную мощь. В этот миг человек проснулся и встал. Говорят, что Тор не посмел ударить его молотом, но только спросил имя. Того звали Скримир или Скримнир. «Мне незачем, – проговорил он, – спрашивать твое имя, ибо я знаю, что ты есть Аса-Тор; но что ты сделал с моей рукавицей?» Он тут же нагнулся и подобрал ее. Лишь тут Тор увидел, что дом, в котором они провели ночь, оказался на самом деле рукавицей, а каморка была в ней большим пальцем. Скримир тогда спросил, может ли он составить им компанию в пути; Тор ответил согласием. Тогда Скримир развязал свою суму и приступил к завтраку, а Тор и его спутники поступили подобным образом, но в своем месте. Тут Скримир предложил им соединить провизию, на что Тор также согласился. Скримир сложил весь провиант в один мешок, взвалил его на спину и широко зашагал вперед. Уже поздно вечером он отыскал для них место для отдыха под огромным дубом, сказав, что он ляжет и уснет. «А вы, – добавил он, – возьмите суму и приготовьте себе ужин». Скримир немедленно погрузился в сон и смачно захрапел. Тор взял суму, чтобы открыть ее, и – сколь это ни невероятно – не мог развязать даже одного узла, не мог ослабить даже один ремешок. Увидев, что все старания его бесполезны, Тор осерчал и, схватив Мьёлнир обеими руками, сделал один шаг и ударил лежавшего Скримира по голове. Тут Скримир проснулся и спросил, не лист ли свалился с дерева ему на лоб, поужинали ли они и готовы ли уснуть. Тор ответил, что они как раз собирались отойти ко сну. Все они устроились под другим дубом. В полночь Тор услышал, как Скримир захрапел так, словно по лесу раскатился гром. Тор поднялся и приблизился к великану, размахнулся молотом во всю свою силу и ударил лежащего по макушке так, что молот ушел в череп. Тут Скримир пробудился и сказал: «Что это? Неужели желудь упал мне на голову? А с тобой ничего не случилось, Тор?» Но Тор торопливо отступил, сказав, что как раз проснулся; и что раз время идет только к полуночи, они могут поспать подольше. Он думал теперь только о том, что если не сумеет удачно нанести третий удар, то никогда

более не увидит света; и лег, дожидаясь, пока Скримир снова уснет. Ближе к рассвету, когда великан опять глубоко уснул, Тор взял Мьёлнир и ударил Скримира изо всех сил в висок, так что молот по рукоятку ушел в голову. Однако Скримир поднялся и, поглаживая подбородок, проговорил: «Не сидит ли надо мной птица на этом дереве? Показалось мне спросонья, что перышко упало с ветвей на мою голову. Спишь ли ты, Тор? Пора вам вставать и одеваться, ибо мы находимся недалеко от города, носящего название Утгард (*Utgarthr*). Слышал я, как вы переговаривались между собою и говорили, что я – человек немалого роста; только когда мы придем в Утгард, вы увидите и людей повыше меня. Дам вам добрый совет: не хвалитесь собой, ибо люди Утгарда-Локи не любят хвастовства от таких человечков. Если вы готовы послушать другой совет, поворачивайте назад, поелику так будет много лучше для вас; но если вы предпочтете продолжать путь, идите далее на восток. Мой же путь пролегает теперь к тем горам». Тут, закинув суму за плечи, Скримир оставил их, углубившись в лес по тропе; и никто никогда не сказывал, что асам хотелось еще раз повстречаться с ним.

Тор и его спутники шли вперед до полудня, а потом узрели перед собой на просторной равнине город, да такой высокий, что им пришлось запрокинуть назад головы, чтобы увидеть крыши домов. Дорогу им преграждали запертые ворота. Тор попытался открыть их, но не сумел этого сделать; тем не менее они хотели войти и потому пробрались сквозь прутья решетки. Перед ними оказался просторный чертог с открытой дверью, в которую они и вошли, а там, внутри, на двух скамьях сидели люди самого гигантского роста. Тогда они отправились к королю, назвавшемуся именем Утгарда-Локи, и приветствовали его; однако тот едва поглядел на них и произнес с пренебрежительной усмешкой: «Не хочется расспрашивать путников о подробностях долгого путешествия, но, если я не ошибаюсь, этот вот малыш и есть Эку-Тор? Впрочем, ты, похоже, выше, чем кажешься. Какие же деяния по силе тебе и твоим спутникам? Ибо здесь не терпят никого, кто мастерством или талантом в чем-либо не превосходит остальных». Тут молвил Локи, вошедший последним: «Одно деяние могу я совершить и готов показать его перед вами: ибо я умею пожирать пищу столь же проворно, как и любой из вас». Утгарда-Локи ответил: «Конечно, доброе это дело, если только сумеешь ты совершить то, о чем говоришь, и мы проверим тебя». Тут он позвал сидевшего на скамье человека по имени Логи (огонь) и приказал ему помериться силами с Локи. На пол поставили полное мяса корыто, у одного конца которого уселся Локи, а у другого Логи. Каждый ел, как только мог, и они сошлись на середине корыта. Однако Локи съел только мясо с костей, а Логи поглотил и мясо, и кости, и корыто вдобавок. Поэтому все единодушно сошлись на том, что проигравшим оказался Локи. Тогда Утгарда-Локи спросил, в какую игру умеет играть юноша, пришедший с гостями. Тьялви ответил, что готов бежать наперегонки с любым, кого изберет Утгарда-Локи. Тот сказал, что искусство это любезно ему, но добавил, что гостю придется бежать очень быстро, если он надеется победить в этой игре. Потом поднялся и вышел. Рядом, на равнине, была устроена удобная для бега дорожка. Утгарда-Локи вызвал молодца по имени Хуги (мысль), приказав ему состязаться с Тьялви. В первом забеге Хуги настолько далеко опередил Тьялви, что, достигнув черты, повернулся и побежал назад, навстречу гостю. «Быстрее шевели ногами, – сказал Утгарда-Локи, – если хочешь победить; хотя я и должен признать, что не было у меня здесь более быстрого гостя». Бегуны попробовали еще раз. Когда Хуги был возле меты и повернул назад, Тьялви оставалось бежать целый длинный полет стрелы. «Бесспорно ты отменный бегун, – заметил Утгарда-Локи. – Но, по-моему, тебе не победить, хотя это мы увидим, когда вы пробежите в третий раз». Тогда они пробежали третий раз, и когда Хуги достиг меты, Тьялви еще не добежал даже до середины дистанции. Все дружно сошлись на том, что этих испытаний достаточно.

Теперь Утгарда-Локи спросил у Тора, какими деяниями может он похвалиться перед ними, чтобы подтвердить слухи о своей великой доблести. Тор ответил, что готов состязаться в питье с любым из его людей. Утгарда-Локи удовлетворился этим предложением и, возвратив-

шись в чертог, приказал своему чашнику принести рог искупления или наказания, из которого положено было пить его людям, и сказал: «Если кто осушит этот рог с одного глотка, мы говорим, он умеет пить; некоторые справляются с ним в два глотка, но уж в три с ним справится каждый». Тор посмотрел на рог, не показавшийся ему особенно вместительным, хотя и был он достаточно длинным. Ощущая великую жажду, он приложил рог ко рту и сделал большой глоток, полагая, что повторять его не придется; однако, опустив рог, чтобы посмотреть, сколько жидкости ubyло, он обнаружил, что ее осталось столько же, сколько было прежде. «Ты отпил, но немного, – сказал Утгарда-Локи. – Я не поверил бы, если бы мне сказали, что Аса-Тор не в силах отпить больше. Я склоняюсь к тому, что ты выпьешь его со второго глотка». Вместо ответа Тор приложил рог к губам, ощущая решимость сделать больший глоток, чем прежде, однако не сумел поднять конец рога так высоко, как ему хотелось бы, и когда опустил он рог, показалось Тору, что выпил он меньше, чем в первый раз, хотя рог сделался чуть легче – так, что его можно было держать, не расплескивая. Тут Утгарда-Локи сказал: «Неужели, Тор, осталось в роге больше, чем можешь ты выпить с одного глотка? Кажется мне, что если ты сумеешь осушить рог с третьего глотка, тебе придется выпить большую часть. Но среди нас ты все равно не будешь считаться таким великим, как посреди Асов, если только не отличишься в других играх более, чем в этой». Речь эта весьма рассердила Тора, который поднес рог к губам и изо всех сил потянул в третий раз – причем так долго, как только мог; заглянув в рог, он обнаружил, что убавилась только часть содержимого. Он отложил рог, не желая более продолжать. «Теперь вполне ясно, – заметил Утгарда-Локи, – что ты не настолько могуч, как мы считали. Готов ли ты принять участие в других испытаниях, ибо не преуспел в этом?» Тор ответил: «Готов попробовать другое, хотя не думаю, чтобы среди Асов такие глотки называли маленькими. Но какое испытание можешь ты еще предложить?» Утгарда-Локи ответил: «Такое, какое здесь по плечу и юнцам; надо просто поднять с земли мою кошку. Я не стал бы предлагать такое деяние Аса-Тору, если бы увидел, что ты не настолько могуч, как я полагал». Тут вперед вышла огромная серая кошка. Приблизившись к ней, Тор обхватил ее под животом и потянул вверх; но кошка изогнула спину, и, когда Тор поднял ее так высоко, как только мог, лишь одна нога ее оторвалась от земли; более Тор ничего не сумел сделать. «Все вышло так, как я и предполагала, – сказала Утгарда-Локи, – кошка весьма велика, а Тор низок ростом в сравнении с присутствующими». «Хотя я и мал, – ответил Тор, – бросаю вызов любому, кто выйдет и попытается побороть меня, когда я в таком гневе». «Здесь не найдется такого, – сказал Утгарда-Локи, – кто не сочтет борьбу с тобой детской игрой; пусть кликнут старуху Элли (старость), мою приемную мать. Много мужей уложила она на сырую землю, которые были не слабее Аса-Тора». Старуха вошла и началась борьба; и чем сильнее стискивал свою противницу руками Аса-Тор, тем тверже стояла она. Наконец она перешла к наступлению; Тор скоро начал пошатываться и началась суровая схватка. Впрочем, долго она не продлилась, скоро Тор припал на одно колено. Приблизившийся к ним Утгарда-Локи велел прекратить поединок, добавив, что Тору незачем бросать вызов еще кому-нибудь из его людей и что близка уже ночь. Тут он предложил Тору и его спутникам сесть, и вечер они провели как желанные гости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.